

АНДРЕЙ РАСТОРГУЕВ

Проводник

Андрей Расторгуев

Проводник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23141947

ISBN 9785448383090

Аннотация

Будьте осторожны, когда откликаетесь на объявления о приеме на работу. Особенно на те из них, которые не каждый-то и прочтет. Иначе рискуете попасть в чужой, негостеприимный мир, где вас не ждут, да так и норовят пристрелить или продырявить допотопной шпагой, а то и просто впиться в горло клыками.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Странное объявление	18
Глава 2. Логово безумного гения	27
Глава 3. Где же вход?	38
Глава 4. Демон поневоле	50
Глава 5. Айдесима	62
Глава 6. Ведьма	72
Глава 7. Барабашка	86
Глава 8. Притяжение Распутья	98
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Проводник

Андрей Расторгуев

© Андрей Расторгуев, 2017

ISBN 978-5-4483-8309-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Нестерпимо яркий свет. Повсюду сплошное белое марево. Кажется, что всё пространство соткано из этого света. Нет ни воздуха, ни земли – ничего вокруг. Лишь холодное, безжизненное сияние. Оно легко проникает в уши, нос, глаза, просачивается сквозь кожу, заполняя лёгкие, желудок, всё тело...

Хочется зажмуриться и не дышать. К своему изумлению Николай понял, что и так не дышит. Причём довольно давно. Попробовал вдохнуть. Бесполезно.

Тела совсем не чувствует. И глаза не закрываются. Будто парализован от макушки до кончиков пальцев. Ему бы испугаться, запаниковать, но... В душе полнейшая безмятежность, похожая на ту, что царит снаружи. Тишь и благодать. Ничто не мешает наслаждаться полётом.

Да, он летел, свободно паря в этом белом ничто с тех пор, как вырвался из тёмного тоннеля. Тоннель? Откуда он взялся? Где это? Как туда попал?

Странно. Эти вопросы возникли только теперь. А этот полёт? Разве человек может летать или обходиться без воздуха, без тела?..

Что, в конце концов, происходит?

В памяти замелькали образы. Поздний вечер, пустынная улица с редкими, тускло горящими фонарями. Широ-

кое крыльцо ночного клуба, буквально купающееся в лучах яркого света, словно островок цивилизации в безбрежном океане мрачных городских трущоб. Так себе заведение, для среднего класса. Золотой молодёжью здесь и не пахнет. Всякая шваль собирается, кому много не надо. Лишь бы музыка погромче да пива с водкой вдоволь. А если повезёт, так и подраться можно. Всё развлечения для гопоты.

И даром бы туда не пошёл, но где прикажете искать преступника?

Витька Черданцев, больше известный как Чердак, сегодня, что называется, «ломанул хату». То есть обчистил чужую квартиру. Ладно бы просто вынес всё ценное – это полбеды. Хозяйка с утра на своё несчастье не пошла на работу. Приболела и осталась дома, решив отлежаться денёк-другой. Не ожидая подвоха, Чердак привычно взломал дверь и ввалился в квартиру, где нос к носу столкнулся с перепуганной женщиной. У наркоманов, как известно, мозги набекрень. Сами не знают, что учудят в следующий миг.

Не стал исключением и Чердак. Выхватив нож, он полоснул хозяйку по горлу. Та умерла почти сразу, но вор, в одночасье превратившийся в убийцу, продолжал в иступлении кромсать бездыханное тело, на котором позже насчитали шестнадцать колотых ран...

Черданцева быстро вычислили. Хорошо наследил в квартире, да и соседка видела, как он выбегал. Дала подробное описание, а потом и по фотографии опознала. Личность-то

известная. И пальчики в базе имеются, и фото, и связи. Пришлось изрядно поколесить по городу, но взять Чердака по горячим следам так и не удалось. Кое-где он всё же засветился, однако стоило нагряться туда операм, преступника уже и след простыл. Дома тоже не появлялся. Там выставили засаду. Дежурили по очереди. Николай только что сменился, сдал оружие в отделе и топал домой. Несмотря на ужасную усталость, решил заглянуть в этот клуб. Всё равно по дороге. Больше для собственного успокоения. Чем чёрт не шутит, может, у Черданцева совсем крышу снесло, и он вместо того, чтобы забиться в какую-нибудь нору, пустился во все тяжкие, пропивая и прокалывая награбленное?..

Стёкла в наглухо закрытых окнах клуба дребезжали от дикого напора музыки, бьющей из больших акустических колонок подобно артиллерийским залпам. На оплётанном и замусоренном окурками пятаке перед входом, пьяно гогоча, дымила сигаретами стайка молодых парней. Все явно под градусом. Среди них спиной к Николаю стоял Чердак.

– Чё вы ваще видали в жизни-то? – вещал наркоман сильно заплетающимся языком. – Ничё ваще. Тока лохи на работе вкалывают. Я никогда ни на кого не горбатился. Бабло и так имею, причём нехилое...

Подойдя вплотную, Николай хлопнул его по плечу:

– Здорова, Витёк!

Черданцев лениво повернул голову, бросив на оперативника осоловелый взгляд. Узнав, поперхнулся и округлил гла-

за – как раз выпускал дым после очередной затяжки. Не забыл, значит. Было дело, приходилось встречаться по прошлым делам.

– А мы тебя обыскались, – продолжал Николай, широко улыбаясь, будто со старым приятелем встретился, а не с вором и убийцей. – Пошли, пообщаемся? Или тебе экипаж вызывать? Так я мигом организую.

На удивление быстро придя в себя, Чердак будто протрезвел. Оскалился, прошипев злобно:

– Вали, мусор, пока цел.

М-да, не сговориться с ним, видать. Надо было своим брякнуть или сразу в бубен бить, чтобы ничего понять не успел. Поосторожничал Николай, опасаясь, что молодёжь неправильно поймёт и сунется в драку. Честно говоря, на благоразумие Витька тоже рассчитывал. В первую очередь он воришка, тихушник. Убийство вышло спонтанно.

– Чё, не понял? – В руке Черданцева блеснул нож.

Тот самый? Возможно. Тогда это улика...

Он ударил с длинным замахом. Сразу видно – дилетант. Уклониться не составило труда. Николай привычно захватил руку, не забыв двинуть коленом в пах, выкрутил её, пронёс над головой, и смачно приложил падающего Чердака о заплёванный асфальт. Всё, можно вязать...

Не тут-то было. Молодёжь среагировала быстро и, как водится, неадекватно. В лицо прилетело чьё-то колено. Следом кулак. «Синяки обеспечены», – успел подумать Коля, отма-

хиваясь от сыпавшихся с разных сторон ударов. Вроде, начал справляться, но вдруг в голове словно бомба разорвалась. В глазах потемнело, вспыхнули густые огоньки звёзд.

Вот когда появился тоннель. Мрачный, длинный и абсолютно пустой. Только далеко впереди ярко сиял вертикальный овал. Выход?

Кажется, целую вечность скользил по тоннелю, наблюдая, как медленно раздвигаются края овала. Наконец, они разошлись настолько, что всё вокруг заполнило собой белое светящееся молоко. Бережно подхватило и понесло, качая на мягких волнах.

Внезапно движение прекратилось. Только белый туман продолжал монотонно течь мимо, куда-то в необозримое пустое пространство. Это походило на сон. Лишь в глубине сознания крепла уверенность, что всё происходит в реальности.

– Добро пожаловать в Распутье, Брат, – из ниоткуда прозвучал мелодичный голос.

Женщина? Какой-то странный акцент. Вроде бы чужая речь, а всё понятно.

Туман поредел. Теперь сквозь проносившиеся мимо белые клочья виднелось небо... Зелёное, в причудливо изогнутых перламутровых разводах. И светящееся, как Северное сияние. Но Николай смотрел не туда, а в лицо склонившейся над ним девушки. Идеально правильные черты, большие глаза, бархатная кожа, слегка припухлые щёки с красивыми

ямочками, длинная чёлка и свисающие по бокам пушистые локоны белоснежных волос. Чисто ангел.

«Я умер!» – пришла вдруг ясная, пугающая мысль. Но беспокойство тут же улетучилось, уступив место любопытству. Значит, и правда есть жизнь после смерти? Стало интересно взглянуть на себя преображённого.

– Нет, здесь ты не умрёшь, – снова послышался певучий голос.

Неужели читает мысли?

И опять необъяснимое чувство, будто говорят с ним на незнакомом и в то же время таком понятном языке.

– Твоя Суть, твой Разум – они вечны. Это твоё лекарство. Это ты сам.

«Где я?»

– Со временем поймёшь. Такое уже случалось. Ты здесь не первый.

«Что там она сказала? Распутье?»

– Да, Брат.

Голос обволакивал. Становилось легче. Так бы лежал и слушал, не думая больше ни о чём. Что-то сильно разволновался. Вон, задышал часто. И сердце начал чувствовать, которое трепетало сейчас где-то у горла. Да и голова раскалывалась.

Из тумана выступили верхушки непонятных сооружений. Неровные, с дырами, пропускающими небесный свет. Похожи на... руины.

Внутри вмиг похолодело, сковав душу непонятным страхом.

– Тебе лучше поспать. – На лоб легла тёплая ладонь.

О, как не хочется, чтобы её убирали. Кожу приятно покалывает, а веки сами собой закрываются, словно кто-то встал у окна и резко задёрнул шторы.

Дальше опять всё в тумане. Размыто, урывками, кувыркоком.

Тепло, растекающееся от головы к спине, прокатывается по телу и пропадает, словно роса поутру. На смену теплу приходит холод, пробирающий до костей. Вой сирен, свет мигалок. Чьи-то неузнаваемые лица. Громкие и одновременно тихие голоса:

– Черепно-мозговая... Похоже, проникающее... Большая кровопотеря... Срочно в больницу...

Грубо поднимают, отдирая волосы, будто приклеенные к асфальту. Кладут на что-то жёсткое. Куда-то несут. Ноющая, тупая боль. Тьма подступает.

– Не спи. Не спи, говорю! – зудит противный мужской голос. Куда подевался тот прекрасный ангел в женском облике? Неужто улетел? – На меня смотри. Тебя как звать?

– Коля... – удалось выдать с трудом. Словно кто другой сказал.

– Молодец, Коля! Жить будешь!

...В больничке валялся долго. Потом ещё курс реабилитации проходил.

Череп-то проломили – всё же кастетом перепало, не кулаком, – но мозг, слава богу, не задели. Правда, периодически мучили головные боли. Особенно после нервного перенапряжения. Так ломило виски, что чуть на стену не лез. Поэтому работать в уголовном розыске больше не мог. Перевёлся в участковые. Спасибо начальству, что разрешило. Не то комиссовали бы подчистую, а Николаю всего-ничего до пенсии.

Чердака задержали в ту же ночь, вместе с парочкой молодых парней, которые встряли в потасовку перед клубом. А среди них и того, кто пустил в ход кастет. Они в один голос пели, что «мент напал первым». Пришлось ещё в прокуратуре отписываться, доказывая, что ты не идиот. Может, поэтому статью «посягательство на жизнь сотрудника» им не вменили. Ограничились обвинением в причинении тяжких телесных. И на том спасибо. Все трое получили приличные сроки, а Николай продолжал спокойно работать.

Конечно, служба участкового тоже не сахар. Да и участок достался аховый. Сплошные дома «хи-хи», населённые горькими пьяницами. Работы хватало. Повсюду кучи мусора – в загаженных дворах, подъездах и даже в квартирах. В магазины хоть не заходи. Полная антисанитария. Адекватных граждан днём с огнём не сыщешь. Одни пьяные рожи, куда ни сунься. Понятное дело, случалось всякое.

Как-то вечером, обходя свой участок, Николай услышал громкую ругань во дворе старой пятиэтажки. Похоже, назре-

вал конфликт, грозивший перерасти в мордобой. Темень почти непроглядная, видно лишь смутные силуэты и непонятную возню у подъезда. Фонари здесь если когда-то и горели, о том светлом времени вряд ли кто сейчас помнил. Вместо ламп осколки. Менять бесполезно. Долго не провисят. Местное хулиганье переколотит на раз. Ребята из Горэнерго давно забили на этот район, перестав направлять ремонтников. Удивительно, как ещё провода никто не срезал. Пунктов приёма цветмета в округе с избытком. Жестяные банки туда чуть ли не ящиками таскают.

– Молодые люди! Что не поделили? – окликнул Николай голосистых крикунов, оттачивающих друг на друге ненормативную лексику.

– Чё те надо, утырок? – услышал злобную отповедь. – Топай, куда шёл!

Подойдя ближе, включил фонарь, осветив сначала себя, а потом ругающихся.

Их было пятеро. Молодые ребята, ещё не служившие в армии. Впрочем, один показался знакомым. Точно, это же Сашка Урбан, заводила местной шпаны. Хулиганистый пацан. Похоже, он и огрызался.

Ругань стихла. Понятно, заметили форму. Кое-кто, правда, попробовал качать права:

– А чё, уже и поговорить нельзя?

– Захлопни пасть, Малява! – тут же осадил его Урбан. Наигранно вздохнул, обращаясь к участковому: – И чего вам

не спится, Николай Иванович? Ходите по темноте, людей спрашиваете.

– Слежу, чтобы спать вовремя ложились, не забыв умыться и на горшок сходить. Вам, кстати, не пора?

В свете фонаря сверкнула Сашкина улыбка.

– Детское время, дядь Коль.

– Самое то для вас. Давай-ка, «племянничек», забирай свою бригаду, и шуруйте-ка вы по домам.

Парень по кличке Малява надвинулся с недовольным видом, собираясь, как видно, возразить. Урбан вовремя схватил его за рукав, продолжая совершенно спокойным тоном:

– Как скажете, Николай Иванович. Уже уходим.

И решительно потянул приятеля-выскочку к тротуару. Остальные послушно побрели следом. Впрочем, не все. Один остался на скамейке. Маленький, щуплый. Сразу и не заметишь.

Осветив его фонарём, Николай спросил:

– Ну, а ты чего?

– Ничего, – буркнул тот, глядя в сторону. Кивнул на подъезд: – Я здесь живу.

– Вот и топай домой. Родители, небось, заждались.

– Та не. Бухают они. – Паренёк повернулся, глянув на участкового.

О! А глаз-то подбит. Получается, мутузили как раз его?

– За что тебя?

– Та, – махнул рукой и принялся ощупывать синяк. – Мо-

билу хотели отжать.

– И как, отжали?

– Ща! Для чего я грузчиком вкальваю? Чтобы всякую босоту мобилами снабжать? Не на того напали.

С досадой глянув на угол дома, слабо подсвеченный с улицы далёким фонарём, где давно скрылся Урбан со своими ребятами, Николай вздохнул и сел рядом с парнем.

– А если бы голову проломил?

– Та пусть хоть пристрелят. Я своего не отдам.

– Они что, угрожали оружием? – насторожился участковый.

– Та не. Ничё такого. Орали только. Ну, ещё стукнули пару раз, и всё. А потом вы появились...

Снова вздохнув, Николай произнёс дежурную фразу:

– Заявление писать будешь?

Парень засмеялся.

– Вы чё, товарищ участковый, за кого меня держите?

Ну да, здесь не принято друг на друга доносить. Каждый живёт как может. А точнее выживает. Впрочем, преступление-то, вроде как, и не совершено. Телефон остался у потенциальной жертвы, преступники добровольно ретировались. Пойди теперь, докажи, что сделать это их заставило появление участкового. При желании могли бы и его уложить.

– Ладно, пойду я, – поднялся парень. – А то вставать рано.

– На работу?

– На учёбу.

– Говорил, вроде, что грузчик.

– Так то по вечерам. За учёбу-то платить надо. И кушать иногда охота.

Хороший парнишка, подумал о нём Николай, провожая лучом фонаря до подъезда. Дай бог, выучится. Глядишь, выйдет из него толк. А вот чем кончит Урбан со своими ребятами? Казалось, ответ очевиден. Ан нет.

Спустя пару недель, Сашка ушёл служить в армию. Сам захотел. Его хулиганская компания вскоре распалась. А когда вернулся – весь такой подтянутый, заматерелый, – встретив Николая, крепко пожал ему руку, с чувством сказав:

– Спасибо вам, Николай Иванович.

– За что?

– Дураком я был. А вы не дали мне в тюрьму сесть.

– Это каким же макарон?

– Да появлялись всегда вовремя. Честно, если бы не вы, я мог много всяких глупостей наделать. А так...

Сколько было их, сошедших с кривой дорожки только из-за того, что участковый всегда был на посту? Кто бы знал. Не вёл он такого счёта. Просто делал свою работу.

...Ещё долго снилась Николаю та девушка, чьё лицо увидел он в бреду. Развалины домов за её головой и зелёное, мерцающее небо. Неземной пейзаж. Пригрезится же такое.

Лечащий врач говорил, что при травме головы подобные галлюцинации вполне обычное явление. Правда, чаще они не столь яркие и, как правило, кошмарные. Тут же наоборот.

Смотришь, и дальше смотреть охота.

Со временем, как и предсказывал доктор, образ девушки стал меркнуть, стираться из памяти. К моменту выхода на пенсию Николай о ней почти не вспоминал. Забыл даже как выглядит. Не думал, что в его жизни ещё может случиться нечто, способное не просто всколыхнуть давно, казалось бы, забытое, но и прикоснуться к неведомому, которое всегда считал только плодом своего больного воображения.

Глава 1. Странное объявление

Май месяц на дворе. Неторопливый тёплый ветерок дует в распахнутое окно, лениво шевеля сдвинутые в стороны жалюзи. С улицы пахнет сиренью и свежей листвой. Весело щебечут птицы, изредка перебиваемые гулом проезжающих авто и ещё реже перестуком женских каблучков.

Со своего места Николаю Ивановичу видно лишь верхушку дерева, растущего почти под самым окном – одного из целой полосы высаженных вдоль длинного тротуара. Вот уже битых двадцать минут он, подперев щеку рукой, любуется трепетом сочной весенней зелени на фоне девственно чистого, ярко-синего неба. Эх, красота! А здесь, в кабинете, пластиковое окно, два стола, два компьютера, два телефона, вешалка для одежды и шкаф, забитый кипами бумаг. И голые стены стандартно-салатового цвета. Словом, никакой эстетики, сплошная офисная серость.

Компьютер напомнил о себе коротким переливчатым сигналом, требуя внимания. Покосившись на монитор, Николай Иванович заметил новую строку в списке заявок на кредит. Вздохнул, нехотя выпрямился, скрипнув расшатанным креслом. Придвинул порядком истёртую клавиатуру, на которой почти не видно букв. Многие в банке удивлялись, как Иваныч умудряется печатать практически вслепую.

– Так, – забубнил под нос, щёлкая то мышью, то клави-

шами. – Кто тут у нас?.. Плюснин? Ну и фамилия. А жена у него «Плюс-Нина»?

Невольно захихикал. А что делать? Приходится самому себя развлекать.

– И кто ты у нас, господин Плюснин? О, бригадир на ремонтно-механическом заводе. Какой взлёт, какая карьера для двадцатидвухлетнего. А зарплата? Тридцать тысяч? Да ладно. Там и руководство столько не получает. Ну-ка...

Полистав свой блокнот, куда по-старинке записывал все нужные телефоны, Николай Иванович нашёл номер начальника охраны завода. Поднял трубку и быстро пробежал пальцами по кнопкам. Когда на том конце после нескольких гудков ответил знакомый басок, весело поприветствовал:

– Здорова, Платоныч. Это Николай из безопасности банка.

– О, привет! Вас ещё не разогнали? А то слышал, москвичи реструктуризацию затеяли.

– Да, реструктурируют, чтоб им пусто было, – поморщился безопасник.

Больная тема. С тех пор, как Москва подмяла банк, народу в нём заметно поубавилось. Большая часть ушла сама, когда порезали зарплату, разбив на «основной» оклад и «надбавку». Причём надбавка оказалась раза в полтора выше оклада. Новые хозяева намекнули: будете, мол, плохо работать – читай станете неугодными – все доплаты снимем. Правда, такую меру на памяти Николая ещё ни к кому

не применили. Зато и доход не повышался. Будто заморозили его на несколько лет. А в магазинах-то цены росли. Вот народ и не выдерживал, уходил. Иных сократили, уговорив уволиться по «соглашению сторон» – опять же чтобы лишних выплат не делать.

Да и безопасники давно на чемоданах сидят. Из восьми сотрудников службы безопасности в банке остались только Николай Иванович с напарником Сергеем. Работы от этого меньше не стало. Наоборот, всё, что раньше делали восемь человек, теперь тянули двое.

«Ещё бы платили каждому за четверых», – возмущался Сергей, на что его товарищ резонно замечал: «У нас гарантированный законом восьмичасовой рабочий день. Сколько успеваешь за это время, столько и делай. Не перенапрягайся. Мы же не роботы».

Так и трудились. А на все возмущения из Москвы просто показывали результаты своей работы. Там, получив отпор, от них на время отвязывались. Правда, желая контролировать, завалили всякими отчётами, на которые приходилось тратить едва ли не половину рабочего дня. Но ничего, справлялись. Давно бы ушли, живи они на одну зарплату. Спасала пенсия. Что Николай, что Сергей – оба пенсионеры МВД, оба из уголовки. Вот и Платоныч оттуда же. Опера, как известно, бывшими не бывают.

– А у вас как? – спросил безопасник. – Зарплаты повысили?

– Как же, держи карман шире, – возмутился Платоныч. – Дождёшься от них, от буржуев проклятых. Только проиндексировали в марте.

– И то вперёд. Вам хоть индексируют. Мы уже забыли что это такое.

– Ладно, не жалуйся. Чего звонишь-то?

Вот вам и опер. Сразу всё понял. Приятно дело иметь.

– Да у меня тут заявитель один рисует себе зарплату в тридцать тысяч. Пишет, что у вас бригадиром работает.

– В каком цеху?

– В литейном.

– Нет, Коля. Враки всё. Там двадцатка от силы, и то когда заказы есть. А сейчас без них сидим. Людей в длительные отпуска услали. А кто остался, на неполную неделю выходит. Скажи фамилию, хоть буду знать, кто у нас такой хитрец.

– Плюснин...

– Что? Да он уволился с месяц назад. Я сам его за пьянку ловил. Гони этого ухаля в шею.

– О как! Спасибо, Платоныч. Принял к сведению.

Положив трубку, Николай Иванович потёр ладони.

– Тэк-с, отказываем, значит. Хрен тебе, Плюснин, а не кредит...

Дверь кабинета распахнулась. Вошёл Сергей с газетой в руке. За свой стол садиться не стал. Подсел к Николаю, на стул для посетителей.

– Всё, Иваныч, сокращают нас, – выдал в лоб. – Не нужна

больше банку служба безопасности.

Вообще-то Сергей любил иной раз подшутить над сослуживцами, и чёрным юморком не брезговал. Поэтому к его словам Николай отнёсся с недоверием:

– Откуда новость? Из этой газетки?

Напарник остался серьёзным.

– Нет, не из неё. Это я взял нам с тобой работу искать. – Он бросил газету на стол. – Только что управляющему позвонил наш шеф из головного офиса и сообщил сие пренеприятнейшее известие.

– И с какого числа нас турнут?

– С сегодняшнего.

Сам не заметил, как удивлённо поднял брови. Вот это да! Круто даже для москвичей. Обычно старались более-менее блюсти букву закона. Предупреждали минимум за неделю, а то и за месяц. А теперь куда коней гонят?

Впрочем, какая разница. К этому давно все готовились.

Молча взяв газету, Николай Иванович принялся вяло переворачивать шелестящие, пахнувшие свежей типографской краской страницы. Остановился на рубрике «требуется». Скользнул взглядом по ровным колонкам, зацепившись почему-то за одно ничем, казалось бы, не примечательное объявление. Звучало оно по меньшей мере странно: «Если вы смогли прочитать этот текст, мы заинтересованы в сотрудничестве с вами. Вас ждёт интересная, высокооплачиваемая работа. Звоните...» Дальше номер сотового.

Перечитав ещё раз, безопасник усмехнулся. Обвёл квадрат объявления красным маркером. Показал Сергею:

– Вот как раз. И высокооплачиваемая, и интересная...

Тот взял газету и принялся читать вслух:

– «Требуется дворник без в/п. Полная занятость. Зарплата...» Ну, ты нашёл время шутить. Ладно, я на обед, а там посмотрим.

Сергей порывисто встал и быстрым шагом покинул кабинет, оставив Николая недоуменно таращиться на потревоженные сквозняком, опадающие страницы раскрытой газеты.

Да ладно! Не мог же он промазать настолько, что взял да и выделил, не глядя, совершенно другое объявление. Или мог?

Потянув за уголок, осторожно придвинул газету. Для верности надел очки. Вчитался. Всё правильно. В неровном красном круге именно тот текст, что его позабавил – об интересной и высокооплачиваемой работе. Где же Сергей о дворнике вычитал?

Ни рядом, ни на развороте, который тщательно, не ленясь, безопасник проштудировал от края до края, ничего подобного не было. Ни единого упоминания, словно вакансий на эту профессию днём с огнём не сыскать. На весь город лишь пара уборщиц и требовалась.

– Чёрт! Он меня что, разыграл?!

Спустя минуту, Николай Иванович с шумом ввалился

в приёмную, явно намереваясь нагло ворваться в кабинет управляющего. Но на его пути непробиваемой стеной встала Клавдия Петровна, секретарь ещё той, советской закалки. Буквально вросла в дверь, выставив плоскую грудь.

– Не пущу! Там серьёзный разговор по селектору. По вашей, между прочим, проблеме.

И глянула строго поверх очков, готовая пресечь любые возражения на корню.

– Да ладно. Чего там разговаривать. Бесполезно всё. Вопрос давно решён, – махнул рукой безопасник и показал газету. – Ты, Петровна, лучше глянь... Мне тут объявлениице одно почитать дали, а я очки куда-то подевал. Напечатано мелко, ни черта не разберу. Прочтёшь? Вот, выделено.

Секретарша ещё немного побуравила его взглядом, но потом снисходительно вздохнула, взяла газету и, чуть ли не вода по ней носом, забормотала скороговоркой:

– «Требуется дворник без в/п. Полная занятость...» – Не дочитав, подняла голову, растерянно глядя на безопасника. – Простите, но разве вы собираетесь переквалифицироваться в дворники?

– Эмм... Нет. – Николай Иванович, поспешил забрать злополучную газету и попятился к выходу. – Это пошутил кто-то... Наверное...

«Не может быть! Не может быть!..» – билось в голове, пока он шёл по коридору и спускался по лестнице на первый этаж.

Нет, не мог Сергей сговориться с Петровной. Она шут-

ки-то через одну понимает, не говоря уже о том, чтобы лично участвовать в розыгрыше. Тем более, в таком идиотском. Всегда серьёзная, деловая. Словом, сухарь. А если точнее, то натянутый нерв.

Свежий весенний воздух слегка остудил голову, разогнав сумбурные мысли. Николай не заметил, как очутился на улице. Здесь всё по-прежнему. Ездят машины, снуют прохожие. Вот на парковку перед банком зарулил очередной автомобиль. Из него вышел незнакомый мужчина. Ему немногим за тридцать. Кожа смуглая. Наверное, только из отпуска. На море загорал, не иначе...

– Молодой человек! – Поддавшись внезапному порыву, Николай подскочил к незнакомцу. – Простите великодушно. Не могли бы вы прочесть мне вот здесь, а то я не вижу без очков.

С подозрением глянув на приставучего мужика, тот всё же согласился выполнить просьбу. Не трогая газеты, начал читать прямо с рук Николая:

– «Требуется дворник без в/п...»

– Ааа... Спасибо, – натянуто улыбнулся безопасник. – Так и знал, что не та газета... Ошибся, хе-хе... Другую прихватил.

Они разошлись. Незнакомец отправился дальше по своим делам, а Николай Иванович понуро побрёл к себе в кабинет.

Снова и снова он перечитывал странное объявление, каждый раз убеждаясь, что там не изменилось ни слова. Но как

такое может быть, что ему видится одно, а всем остальным совершенно другое? Повлияло известие о сокращении? Сразу бац, и сдвиг по фазе? Выходит, он теперь псих? И что делать прикажете? В дурку ложиться?..

Снова пискнул компьютер. О, чёрт! Заявку Плюснина так и не обработал. Впрочем, проверку можно считать законченной. Даже метка вон стоит в строке «отказ». Осталось коротко расписать причину и нажать «ОК».

Да на кой ляд ему это надо? Сегодня последний день работы в банке. Ознаменовавшийся, к тому же, тихим помещательством. Ещё неизвестно, во что потом всё выльется.

«Я чокнутый? Ну так с меня и взятки гладки!»

Убрав предыдущую метку, Николай Иванович щёлкнул по строке «акцептовать» и нажал ввод. Пусть Плюснин порадуется. Где ж ему, безработному, столько денег нынче найти? Потом придумает, как расплатиться с банком. Он же не сумасшедший, а простой выпивоха, в отличие от некоторых...

Глава 2. Логово безумного гения

На другой день безопасникам выдали обходные листы. Быстренько их подписав, они забрали трудовые книжки, распрощались без лишней помпы с теми, кто ещё продолжал работать, и двинули на выход.

– Ну, куда ты теперь? – спросил на крыльце Сергей, подкуривая сигарету.

Николай пожал плечами:

– Пока не знаю. Не думал.

– Во даёт. Зачем я тебе, спрашивается, газету приносил?

Что, ничего не нашёл?

– У-у, – мотнул головой Николай, вспомнив, как дома чуть ли не до дыр затёр ту самую страницу со странным объявлением, да всё бестолку. Не желая обсуждать скользкую тему, перевёл разговор на Сергея: – Сам-то куда?

Тот затянулся, шумно выдохнул дым, глядя вдаль.

– Чёрт его знает. Попытаю счастья на каком-нибудь предприятии. Вдруг безопасники где требуются.

– Боюсь, мы теперь никому не нужны, – горько усмехнулся Николай.

– Это мы ещё поглядим. Будет день, будет пища. – Бывший напарник протянул руку. – Бывай, Иваныч. Звони, если что.

– Счастливо. Созвонимся.

Проводив задумчивым взглядом сослуживца, Николай вздохнул. Достал телефон. Отыскав забитый в контакты ещё с утра номер из газеты, решительно нажал кнопку вызова.

Пошли гудки. Уже что-то. По крайней мере, абонент действительно существует.

На том конце долго не брали трубку. Наконец, ответил хрипловатый мужской голос.

– Да? – прозвучало коротко и, как показалось, немного взволнованно.

– Здравствуйте. Я звоню по объявлению, – выпалил Николай давно заученную фразу.

Тишина в ответ. Лишь дыхание слышно. Своё или чужое?

– Алло! – Он был готов ко всему. В первую очередь к недоуменному вопросу «что ещё за объявление?» Только не к затянувшемуся молчанию.

– Да-да-да, – торопливо затараторил собеседник. – Нам с вами необходимо встретиться и переговорить. Как скоро вы сможете подойти?

– Куда? – Сердце заходило ходуном. Надо же, не галлюцинация и не обман!

Запомнить адрес было нетрудно – тот самый ночной клуб, возле которого Николаю пробили голову. Правда, клуба там давным-давно нет. После него туда то кафе въезжало, то фитнес-центр, то ещё какая богадельня. А что сейчас в том здании, сам чёрт не разберёт...

На потрескавшейся стене, по обе стороны выдавшей виды

пластиковой двери висели две таблички. Одна совсем простенькая, с чёрными буквами на белом фоне, гласила: «Клининговая компания «Богема». На другой, более солидной, значилось: «Кадрово-управленческое агентство». Дурацкие, малопонятные названия. И в какую из этих организаций идти? Что-то уже никуда не хочется.

Переступив порог, оказался в небольшом коридоре. М-да, как был гадюшник, так и остался. Похоже, здесь недавно белили стены, только прибраться поленились.

Николай снова взялся за телефон. Номер-то уже в набранных. Знай себе, жми зелёную кнопку, прижимай к уху и говори.

На этот раз ответили почти сразу.

– Я на месте. В коридоре стою. Дальше куда?

– Минуточку. Уже бегу к вам.

Вопреки ожиданиям открылась не та дверь, что напротив. Слева и снизу, из подвала, куда вела малоприметная узкая лестница, раздался громкий металлический скрежет.

– Сюда спускайтесь! – донеслось оттуда.

Подойдя к первой, изрядно выщербленной ступеньке, Николай глянул вниз. В полумраке из-за приоткрытой железной двери выглядывал пожилой субъект в очках. Щуплый, с копной седых кучерявых волос, он призывно махал рукой.

Этот субъект сразу вызвал подозрения. Вечно суетился, бормотал что-то невнятное и несвязное. Внимательно разглядывал Николая, стараясь делать это как можно незамет-

нее, всячески проявляя любезность.

Похоже, он был один. Если остальные, конечно, не попрятались. Хотя, куда тут спрячешься? Помещение похоже на бомбоубежище. Отсыревшие стены с тянущимися вдоль них ржавыми трубами да свисающими жгутами кабелей. Потолок низкий, в трещинах. Небось, осыпается постоянно. Вон, куски штукатурки по всему полу.

Короткий коридорный переход закончился небольшим расширением.

Здесь чуть светлее, поскольку горит больше ламп. Два стола по углам. Один со всякой химией. На другом тиски, разбросанный в беспорядке слесарный инструмент и какие-то электроприборы с мотками проводов.

При виде такого бардака захотелось тут же развернуться и уйти. Но мучил один вопрос...

– Это вы объявление подавали?

Мужчина развёл руками, показывая по сторонам:

– Да-да, прекрасно понимаю ваше недоумение. Не берите в голову. Просто здесь у меня рабочая обстановка. Да и прикрытие от посторонних, знаете ли...

Он окинул быстрым, опасливым взглядом тёмный коридор и углы «бомбоубежища». Судя по всему, этот тип явно страдал манией преследования. Николай вздохнул. Только сумасшедшего ему сейчас не доставало.

– Так вы давали объявление в газету или нет?

– А не хотите ли чайку? – Хозяин показал на «химиче-

ский» стол, где с краю, среди нагромождения колб и реторт, уютился электрический чайник, весь в цветных потёках и брызгах. – За чаем и разговаривать сподручнее. Не находите?

Нажав кнопку на чайнике, он взял какой-то высокий химический стакан. Вытряхнул из него давно засохший чайный пакетик и опустил туда свежий. Вода закипела быстро, и вскоре Николай перехватывал пальцами не совсем чистый стакан с мутноватым коричневым кипятком.

– Да, вы правы, объявление моё, – делая себе чай, буднично признался щуплый. – Специально даже сим-карту под это купил. Чтобы знать, если вдруг позвонят, то именно по нему. Честно говоря, не ожидал так скоро...

– И многие звонили?

– Нет. Признаться, вы первый.

– А в чём фишка? Почему я прочёл не то, что другие? Там какой-то подвох кроется вроде скрытого текста? У меня что, зрение иначе устроено?

– Ну, можно сказать и так, – уклончиво ответил «профессор», как мысленно окрестил его Николай. Правда, тут же пояснил: – Здесь дело в особом измерении пространства. Вы можете видеть его в отличие от большинства людей. Если вообще не в отличие от всех.

С последними словами он грустно вздохнул, надолго замолчав. Застывшие глаза уставились в пол. И без того худое лицо ещё больше осунулось. Глубже прорезались морщины.

Словно состарился вмиг на лишней десяток лет.

– Хотите сказать, я вижу другие измерения? – скептически хмыкнул Николай.

– Думаете, они не существуют? – Собеседник одарил его лукавым взглядом. Поправив очки, продолжил: – Видите ли, уважаемый... Простите, как вас по имени-отчеству?

– Можно просто Николай.

– Очень приятно. – Протянув руку, профессор тоже представился: – Швец Лев Карлович, к вашим услугам. Учёный, как вы, наверное, поняли.

Они пожали друг другу руки.

– Так вот, – вернулся Лев Карлович к своему рассказу. – Я долгое время изучал теорию поля. Вёл свои, так сказать, изыскания. И пришёл к весьма любопытным выводам. Понимаете, существует некий принцип калибровочной инвариантности. Симметрии то есть. Он объединяет и квантовую электродинамику, и теорию электрослабого взаимодействия, и квантовую хромодинамику, и так называемую теорию великого единения полей. Это всё рассматривается в комплексе. И что же из него вытекает? Правильно, многомерность взаимодействий. Эту идею, кстати, ещё в двадцать первом году выдвинул Калуца...

– Кто? – со скучающим видом спросил Николай, чувствуя себя двоечником на уроке физики.

– Теодор Калуца, поляк, – отмахнулся профессор, не собираясь, как видно, вдаваться в ненужные подробности.

– Понятно, – обречённо вздохнул его невольный слушатель, хотя на самом деле совершенно ничего не понимал.

Швец воспринял это как сигнал к действию, снова оседлав любимого конька:

– То есть классическая наука на сегодняшний день не в состоянии объяснить и понять реальный окружающий нас мир без влияния на него иного, параллельного мира, невидимого нашему глазу. И тут на помощь приходит теория суперсимметрии, объединяющая все существующие взаимодействия в природе, включая гравитацию. Причём взаимодействия не только полей, а и веществ. У любой нашей частицы «здесь» есть свой суперпартнёр «там». Понимаете?

– То есть «там» всё то же самое? – Николай не заметил, как отхлебнул чай из своего грязного стакана. Вкуса не почувствовал.

– Вряд ли, – улыбнулся Лев Карлович. – Они отличаются спинами.

Стакан едва не выскользнул из пальцев.

– Это как? У одних спина впалая, а у других колесом?

– Да нет же! – Профессор досадливо поморщился, но, смирившись, как видно, с мыслью, что имеет дело с полным профаном, снизошёл до пояснений: – Спин – это момент движения квантовой микрочастицы. От английского «вращение». Он может быть целым или полуцелым. У кварков с лептонами спин равен одной второй. Это фермионы. Другие же либо вообще не имеют спина – частица Хиггса, к при-

меру – либо у них целый спин. Такие частицы называют бозонами. Так вот, разница между нашей и потусторонней частицей всего-то половинный спин. Но это уже совершенно другой элемент. Фермион становится бозоном или наоборот. Понимаете?..

Глядя в пустые глаза Николая, профессор тяжело вздохнул. Однако попыток достучаться до его сознания не оставил. С новой силой принялся объяснять:

– Поле становится веществом, а вещество – полем. Считается, что в первые минуты зарождения Вселенной, когда миры ещё только формировались, бозоны и фермионы под воздействием огромных температур постоянно переходили друг в друга. Теперь, к сожалению, такие превращения невозможны. Наш мир никак не взаимодействует с параллельным. Для этого нужны общие переносчики.

– Например? – Ещё в уголлке Николай убедился в том, насколько хорошо иной раз наглядные примеры помогают понять суть вещей.

Лев Карлович, обхватив тонкими пальцами подбородок и наморщив лоб, задумчиво проговорил:

– Ну, наши миры хоть и не взаимодействуют, но, соприкасаясь друг с другом, создают агломерацию, которую с большой вероятностью можно назвать суперпараллельным миром. Чтобы его увидеть, наш глаз, как минимум, должен воспринимать фотино, излучаемые солнцем того мира.

– Тогда мы увидим чужое солнце?

– Почему же только солнце? И его, и всё, что им освещено. Весь параллельный мир, где он соприкасается с нашим. То есть почти везде. По теории мы делим с ним одно пространство.

– И людей будет видно?

– Конечно. Если вообще они там есть.

– Только увидеть сможем? Как призраков? А поговорить, обняться, посидеть за столом?

– Но и мы для них пока лишь призраки, разве нет? Вот если найти способ туда проникнуть... – Профессор мечтательно закатил глаза. – Как наяву вижу. Там светит такое же солнце. По небу бегут облака. Шумит лес, плещется море. Зверюшки снуют туда-сюда, птицы летают...

Он опять посмотрел на Николая. Заговорил торжественно, будто продолжал грезить наяву:

– Там всё подобно нашему миру. Те же законы физики. Те же фундаментальные соотношения и константы. Все они при переходе в параллельный мир остаются неизменными. Все взаимодействия эквивалентны нашим. Просто нас должна подстроить под новые стандарты сама окружающая среда.

Вдруг он затих. Опустил голову, плечи. Горестно вздохнул:

– К сожалению, на это потребуется колоссальное количество энергии. Я как-то пробовал подсчитать. Во всей Галактике столько нет. Пока это не осуществимо.

Стало жаль профессора. Пусть он одержим, зато свято ве-

рит в свою правоту и всеми силами стремится к исполнению мечты. Даже Николая вот нашёл...

Погодите-ка. Выходит, объявление в газете из-под его руки вышло? Да ладно!

– Лев Карлович, у вас что, получилось поменять измерение?

– Что?.. А, вы о том объявлении, – отозвался бесцветным голосом профессор. – Нет. Это слишком громко сказано. Просто труд всей моей жизни свёлся к созданию единственного прибора по преобразованию вещества в поле. Но всё, что я могу делать с его помощью, это менять структуру небольшого пространства, и то лишь двухмерного. Ах да, ещё фиксировать параллельный пласт, и тоже, как понимаете, двухмерный. На деле практически бесполезная вещь.

– Почему бесполезная? На мне же стрельнула.

– Да-да, – вдруг оживился Швец. – Это просто поразительно. Вы безо всяких приборов, невооружённым глазом различаете симметричное пространство. Я предполагал, конечно, некие способности у отдельных индивидуумов, но, если честно, мало рассчитывал хоть на какой-то результат. А уж тем более столь скорый.

– Значит, ваши слова об интересной и высокооплачиваемой работе полная лажа?

Профессор потупился.

– Ну, не совсем, – выдавил нерешительно. – Если вы не сочтёте меня сумасшедшим и согласитесь помочь, вместе мы

вполне сможем добиться определённых результатов... Представляете, какие богатства таят в себе неизведанные параллельные миры? А какие перспективы откроются перед вами? Нет? Ну так я вам сейчас растолкую...

Глава 3. Где же вход?

– Параллельный мир, как ни странно, должен быть похож на наш, земной, – бормотал Швец, смешивая в колбе какие-то химикаты. – И не просто похож, а скорее всего полностью идентичен земному. И люди, и животные, и растения в нём точно такие же, как у нас. Наверняка они часто проникают в наш мир. Возможно, что и остаются здесь. А что? Внешне их никто не отличит.

Николай паял провода за соседним столом, слушая профессора вполуха. Вот уже неделю они работали безвылазно в этом подвале, а тема разговоров у Льва Карловича по-прежнему одна. Хоть бы о бабах поговорил для разнообразия. Того и гляди, оскомину набьёт.

Но последние слова профессора вызвали усмешку, заставив невольно возразить:

– Всё равно эти люди вели бы себя странно. Вычислить их не проблема. А вычислив, уже давно бы сенсацию раздули. Есть такие факты?

– Да сколько угодно. Уж поверьте, я хорошо изучал этот вопрос. К нам, кстати, могут проникать не только живые существа из параллельного мира, но и предметы. Вспомните хотя бы легенды о Летучем Голландце.

– Ну, это же в Бермудском треугольнике.

– А пресловутый Бермудский треугольник, по-вашему,

чисто Земная аномалия? Нет, мой друг. Это самый настоящий переход в параллельный мир.

Отложив паяльник, Николай повернулся к профессору.

– Выходит, у нас тут с вами тоже своеобразный Бермудский треугольник нарисовался?

У того в пробирке бурлил над горелкой какой-то раствор. От пробки тянулась тонкая, причудливо изогнутая стеклянная трубка, второй конец которой утопал в стоявшей рядом колбе, наполовину заполненной жидкостью. По трубке струился белесый пар, пуская на выходе мелкие пузыри. Жидкость в колбе стремительно теряла прозрачность, приобретая фиолетовый цвет.

– Ну, теоретически... – Швец неопределённо покрутил кистью возле уха, не сводя взгляда с колбы.

Раствор из пробирки быстро испарился, перестав пускать пузыри. Как только реакция в колбе закончилась, жидкость в ней снова стала светлеть. Профессор испустил разочарованный вздох. Сняв очки, принялся тереть линзы полой серого халата, бывшего когда-то белым.

– Видите ли, мой друг, – заговорил, водружая очки на место, будто начинал читать лекцию. – Пусть наши миры не взаимодействуют, но это ни в коей мере не мешает им пересекаться. И подобных мест немало. Возьмём, к примеру, одномерные вселенные в виде двух прямых. Точка их пересечения и будет возможным переходом из одной реальности в другую.

– Если мы говорим о параллельных вселенных, эти прямые не должны пересекаться, разве нет?

– Всё гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Ну, хорошо. Идём дальше. Вообразите двухмерные миры. Это плоскости, так? Что будет их пересечением?

– Прямая. Но ведь и они должны быть параллельны.

– Пусть будут. Рассеките их поперёк третьей плоскостью. Получим в сечении две параллельные прямые. Верно?

– Ну, да...

– А если немного повернуть эти плоскости друг к другу вокруг полученных прямых?

– Они пересекутся.

– И ранее полученные прямые останутся параллельными.

Николай помотал головой:

– Как-то мудрёно всё.

– Наоборот, всё просто, – энергично замахал руками Швец. – Исходя из моей теории, пересечением трёхмерных миров является объёмная фигура. Что мы с вами здесь обнаружили?

– Купол.

– Полусферу, – поправил профессор.

Ну да, если выразаться чисто математическим языком.

Справедливости ради надо сказать, что полусфера не была идеальной. Где-то вдавленная, где-то с выступами, а то и рваная. А как её вычисляли – это вообще отдельная песня. За неделю всю площадку вокруг здания облазили с плоско-

мерным прибором профессора. Чтобы избежать кривотолков, облачились в оранжевые жилеты и каски. Это Николай настоял. Пусть люди думают, что здесь дорожники трудятся или строители замеры свои ведут. Поставят на треногу, зафиксируют, шаг вперёд или в бок, снова фиксация. Заодно и второе, потустороннее зрение Николая тренировали. Он замечал неприметные на первый взгляд вещи, проявляющиеся, похоже, из того, потустороннего мира. То на совершенно белой стене увидит обои с листочками, то траву, растущую поверх асфальта, которой на самом деле там и не пахло, то стволы деревьев на месте колонн или кирпичной кладки. Прибор же определённой картинки не выдавал. Всё какие-то непонятные линии да бесформенные пятна. Только по ним Швец и мог определить, что находится внутри некоего пространства, имеющего форму объёмной фигуры. А границ так и не нащупал, пока Николай не помог.

– Допустим, два куба соприкасаются углами, – продолжал свою лекцию профессор. – Если у них одна точка общая, грань или сторона, то ни нам в соседний мир не попасть, ни оттуда к нам. Если же углы входят друг в друга, общим становится ограниченный трёхмерный объём. Вот через него-то и можно путешествовать из мира в мир.

– То есть не только к нам, но и к ним?

– Верно, мой друг.

– Как я понимаю, факты об этом умалчивают? – усмехнулся Николай. – Наверняка, никто из наших путешествен-

ников не вернулся.

– Не скрою, таких сведений я не нашёл, – не стал отрицать Лев Карлович. – Но тот же Летучий Голландец, как известно, появлялся и снова исчезал. А вспомните легендарный град Китеж. Он просто исчез. И там до сих пор слышен колокольный звон.

– Думаете, целый город мог переместиться в параллельный мир?

– А почему нет? Знания древних для нас утеряны. Многие истины приходится открывать заново. Кстати, в теорию параллельных миров неплохо укладывается и пропавшая Атлантида. Не находите?

– Хорошо, пусть даже так, – потерял терпение Николай. – Древние сновали туда-сюда. Шмотки, золото таскали. Мы нашли это пересечение... Ну, и где здесь, по-вашему, вход?

– Вот вы нам его и покажете.

– Я? Каким это боком?

– Увидите.

– Так увижу или покажу?

– Сначала увидите. Потом, надеюсь, покажете мне, а не просто пропадёте бесследно.

Молча взяв паяльник, Николай сунул его в припой. Посмотрел на струйку дыма. Повертел гладкую пластмассовую ручку в пальцах. Снова обернулся к профессору:

– А вдруг я бы не позвонил или объявление ваше не прочёл?

– Пришлось бы ждать, – пробурчал склонившийся над столом Швец, опять колдуя с химикатами. – Дальше с объявлениями фокусничать. Может, ещё что-нибудь придумал бы.

– Их, кстати, много было?

– Весь тираж. Или вы о том, как долго я использую прессу? Примерно с полгода. У меня старый друг в типографии. Разрешил преобразователь поставить...

Вход вскоре нашёлся. Прямо здесь, в подвале. Не зря любовал его Швец.

Во время своих поисков он выяснил, что с этим зданием не всё так гладко. Лет семь назад, когда молодёжь на втором этаже во всю старалась проломить танцпол под оглушительный грохот ночной дискотеки, отсюда странным образом исчезли сразу двое. Изрядно подвыпившие парень и девушка зачем-то спустились в подвал. То ли туалет искали, то ли уединённое место для интима – кто сейчас разберёт. Но с тех пор их больше никто не видел. Сначала все дружно решили, что сладкая парочка просто слиняла по-тихому. Да вот незадача, ни дома, ни где-либо ещё они так и не объявились. И в подвале никаких следов, что засвидетельствовал в протоколе осмотра следователь, прибывший с опергруппой на место происшествия, спустя положенные три дня.

Насколько знал Николай, розыскные дела на этих двоих давно похоронены в милицейском архиве. К ним с тех пор никто не прикасался. Разве только проверяющие время от времени пыль сдували. Полистают слежавшиеся страни-

цы, вздохнут, досадуя, что нового здесь уже вряд ли нароешь, и поставят обратно на полку. Там всё глухо, как в танке. Информации полный ноль. Её и не могло быть, если верить профессору. Он-то не сомневался, что парень с девушкой попали в параллельное измерение. То есть из подвала они попросту испарились...

– Тут она, родимая. Дверь в иную реальность, – бормотал Швец, нежно поглаживая углубление в стене, куда были вмурованы концы толстых труб.

Кирпичную кладку в этом месте, похоже, пробили, когда тянули водопровод. Потом дыру замазали. Но, то ли пожалели раствор, то ли просто лень было – словом, получилась полукруглая впадина. Штукатурка в ней заметно выделялась на фоне облезлых стен, почти везде осыпавшейся до кирпича, постоянно притягивая к себе взгляд.

То и дело казалось, будто там какой-то свет или движение, вроде раскачивающейся на ветру ветки. Поймаешь его краем глаза, повернёшься, глядь, а ничего и нет. Лишь вогнутое пятно белеет. Успокоишься, продолжишь работу, но через время всё повторяется вновь.

Это порядком раздражало. Как-то раз Николай не выдержал, предложив Льву Карловичу закрасить проклятый угол. Узнав причину столь странного желания, профессор живо заинтересовался пятном и обложил его своими непонятными приборами.

Возился неделю, ни на что не отвлекаясь. Зато потом, по-

дозвав Николая к изрядно потёртому ноутбуку, торжественно показал картинку, развёрнутую на весь экран:

– Вот, Коленька. Мы нашли её.

Фотография очень плохого качества, на которой угадывались голые ветки деревьев, кусты и кусок поляны за ними. Всё размыто, раздвоено, словно снимали на старый фотоаппарат со слишком большой выдержкой. Похоже на кадр стереофильма, если смотреть на него без очков.

– Это что?

– Как что! – с придыханием воскликнул Швец. – Иной мир. Параллельная вселенная. То, что находится там!

Он показал в угол, по-прежнему заставленный приборами.

– То есть, хотите сказать, что вам удалось заснять кусок того мира?

– А я о чём? Да. Тысячу раз да, мой друг!

– Невероятно, – выдохнул Николай, до сих пор сомневавшийся в теоретических выкладках профессора. – Но как? У вас же аппаратура только двухмерную картинку берёт. А здесь объём...

– Наложил снимки друг на друга. Целую неделю потратил, чтобы их нащёлкать. Снимал, постепенно приближаясь или отходя. Сначала по сантиметру пробовал, но там вообще ничего не разобрать. Сократил разрыв до миллиметра. И вот вам результат.

Ещё через неделю он точно таким же способом создал ещё

несколько снимков. Местность на них, судя по всему, была той же – поляна у края леса или посадки. Фотографировать дальше не позволяли стены подвала, ограничивающие свободу передвижений. Пробовали снимать снаружи, но подобные эксперименты ничего не дали. Более-менее чёткой картинки, с какой бы частотой ни фиксировали, они получить не смогли. Зато теперь точно знали, на что направить основные усилия. Дело за малым – понять, как открывается эта дверь.

Чувствуя, что стоит на пороге открытия, Швец пребывал в приподнятом настроении. Шутил, радовался, как ребёнок, то и дело с трепетом прикладывая ладонь к нише, словно хотел таким образом считать с неё информацию.

– А знаете, Коленька, что в египетских пирамидах учёные обнаружили каменные зеркала? – продолжал он бормотать, не поворачивая головы.

– Разве можно увидеть отражение в камне? – вяло откликнулся Николай, уставший за весь день «работать» своим вторым зрением в попытках разглядеть параллельный мир. Опять улавливал краем глаза свет, игру теней и неясные очертания, но этим всё и ограничивалось.

– Их так прозвали за идеально гладкую поверхность. Там есть вогнутые зеркала, как здесь, и плоские тоже. Люди рядом с ними начинают плохо себя чувствовать. Кто детство своё видит, кто незнакомые места. А по древним египетским легендам зеркала эти служили, как вы думаете чем? Пра-

вильно. Средством перехода в иные миры.

– Думаете, у нас тут нечто вроде такого зеркала?

– Почему бы и нет? В мире подобных мест превеликое множество. Каждый год на планете пропадает несколько тысяч людей. Большинство бесследно. Ни человека не находят, ни его тела. Где гарантия, что эти люди не переместились в параллельные миры? Живут в них спокойно и здравствуют.

– Ага. Или аборигены их поймали, зажарили и съели. А вдруг там одни динозавры бегают?

Швец убрал-таки руки от ниши, повернулся и внимательно посмотрел на своего помощника. Усмехнувшись, пожал плечами:

– Всё может быть, мой друг. Всё может быть... Эй, что с вами?

Он беспокойно глядел на Колю. А тот, не мигая, таращился в угол, за спину профессора, не обращая никакого внимания на свою отвисшую челюсть. Там, в нише, он ясно видел голые ветки. Они словно материализовались из ниоткуда и теперь торчали прямо из труб, мерно покачиваясь от дуновений неосязаемого ветерка. В следующий миг вдруг пахнуло лесом – буйной смесью ароматов прелой листвы, молодых почек в свежей смоляной смазке и ещё чего-то дикого, чисто природного. Откуда всё это здесь, в окольцованном водопроводными трубами сыром и пыльном подвале, со стенами в чёрных пятнах грибка?

Вот и поляну за кустами видно. Отчётливо. Не то, что

на профессорской фотографии. Каждую пожухлую травинку можно разглядеть и пробивающиеся меж ними новые зелёные ростки.

Разболелась голова. словно кто шило в затылок вонзил. Противный нарастающий писк в ушах. Резко сузился угол обзора, погружая подвал в крошечную тьму. Светло только впереди, где угол с трубами. Темнота – густая, словно в безлунную летнюю ночь – разрасталась, наползая на единственный светлый островок. С жадностью оголодавшего зверя поглощала чудесную картину иного мира. Вскоре там слабо мерцало лишь маленькое пятнышко, не больше пламени свечи, словно точка в центре погасшего кинескопа. Ещё чуть-чуть, и угаснет совсем.

Отчаянно сопротивляясь, пятно полыхнуло. Раз, другой. И тьма поддалась, медленно отползая. Свет наступал, приближался, утвердившись на какой-то непонятной опоре. По виду простой стержень снизу.

Николай протянул руку.

Думал, что не достанет. Но рука начала удлиняться. Всё дальше, дальше...

– ...Коленька, вы меня слышите? – долетел откуда-то слабый голос Льва Карловича. Кажется, он говорит уже давно, пытаюсь достучаться до Колиного сознания. – Вы что-то видите?.. Ради бога, ничего не трогайте... Ни в коем случае...

Не важно.

Этот свет... Он так манит.

Ладонь хватает нечто продолговатое, похожее на деревянный черенок. Верхний конец объят пламенем. Запах жжёных тряпок неприятно щекочет ноздри.

Тьма вдруг резко расступается, обнажая клочок свободной земли в окружении деревьев. Нырять испуганно в тень лесной чащи. По глазам бьёт яркий свет.

Пока моргал и шурился, успел увидеть, что стоит на поляне посреди леса, держа в руке самый настоящий факел. Рядом тренога с кольцом, где этот факел, похоже, и торчал.

А вокруг люди. Пятеро. Одеты странно, и выражения лиц не предвещают ничего хорошего.

– Вяжи его! – крикнул кто-то.

Все дружно кинулись к обалдевшему Николаю, словно только того и ждали.

Первому он успел сунуть факелом в лицо, и тот, истошно вопя, отвалил в сторону. Зато другие повисли на руках, повалив на спину. Сразу вернулась боль в затылке, о которой уже успел позабыть, буквально взорвав голову изнутри. Последнее, что увидел перед тем, как потерять сознание, это высокое, отливающее зеленью небо.

Глава 4. Демон поневоле

Почему голова мёрзнет?

Мокрая, похоже. Вода частым дождём льётся с волос на брюки. Стекает по щекам и шее, просачиваясь за воротник. Неприятно холодит плечи, спину, грудь.

Руки растянуты в стороны. Их крепко держат, не давая пошевелиться. Чертовски неудобная поза.

– Очухался, рожа бесовская? – взвизгивает рядом чей-то противный голос.

Открыв глаза, Николай увидел свои ноги. Понятно, сидит на земле, прижатый к чему-то спиной. А с руками что?

Поднять и повернуть голову получается с большим трудом. Шея затекла. Да и башка по-прежнему трещит, хоть и не так сильно. Ого, руки привязаны ремнями к деревянным спицам тележного колеса. Крепко, блин. Это куда же он попал? Неужели в тот самый пресловутый параллельный мир? Тёплый приём, ничего не скажешь.

Чувствительный пинок по рёбрам заставляет болезненно дёрнуться и взглянуть на обидчика. Слева стоит мужик в невзрачном сером кафтане из грубого сукна, заляпаные грязью полы которого хлопают по голенищам ещё более чумазых сапог. На поясе широкий ремень с овальной пряжкой приличных размеров и болтающейся сбоку шпагой. На груди, под распахнутым кафтаном, некое подобие свите-

ра. На голове чёрная шапка-махновка. Под нею насупленная бровь и единственный сверкающий злобой глаз. Остальное скрыто за белой тряпкой, сложенной в несколько раз, которую мужик осторожно прижимает к левой половине лица.

– Чего уставился, скотина? Полюбуйся, что ты натворил!

Убрав тряпку, он показал опалённую щёку. Это, наверное, тот самый, которого Николай факелом приложил. М-да, не хилый ожог. Брови нет, кожа малиновая и сплошь в пузырях. Опухоль на всю морду – глаз подпёрла, превратив его в тонкую, почти неразличимую щель. Мужику явно потребуется помощь хорошего пластического хирурга.

Впрочем, откуда здесь хирургу-то взяться? И простого врача, небось, не найдёшь, коль скоро народ шпаги таскает да на телегах колесит.

– Где я? – осипшим голосом спросил Николай.

Мужик отшатнулся и торопливо прикрыл рану тряпкой.

Чуть в стороне что-то щёлкнуло. Посмотрев туда, Коля заметил ещё двоих. Одеты почти так же, как первый. У каждого по пистолету в руке. Похоже, что кремневые. Стволы, естественно, направлены на пленника.

– Даже не пытайся, – снова заговорил «палёный». – Твои заклинания здесь бессильны. Место вызова слишком далеко. Да и ремнями тебя связали не абы какими, а заговорёнными. Самому ни за что не освободиться.

– Где я? – упрямо повторил Николай. – Неужели так трудно сказать?

– Хватит! – взвизгнул Палёный. – Говори по-человечески! Куда уж человечнее. Можно подумать, он тьякает, а не слова произносит...

Вдруг дошло – Палёный разговаривал на совершенно незнакомом языке. Но всё сказанное им почему-то понятно без перевода. Что за странные выкрутасы? Помнится, профессор утверждал, будто иной мир подстраивает пришельца под себя или что-то в этом роде. Выходит, и местную речь заложили в память? Если так, то, возможно, не побрезговали кое-чем другим её напичкать. Тьфу ты! Только чистки мозгов не хватало для полного счастья.

Прислушался к себе, будто компьютер, проверяющий системные файлы. Вроде, всё в порядке, не считая тупой головной боли. Да и та постепенно проходила. Попробовал мысленно повторить свой вопрос на местном языке. Получилось удивительно легко. Слова сами складывались в нужные фразы, выпрыгивая неизвестно откуда, будто потаённые уголки памяти открылись.

– Где я нахожусь? – выдал вслух.

– Вот, правильно, – самодовольно протянул Палёный. Из-за платка осторожно показался уголок рта, растянутый в кривой усмешлке. – Боишься, мразь? Это хорошо. Бойся меня. Теперь я твой хозяин. Только я, и никто другой, верну тебя назад, в твою преисподнюю. Там тепло, хорошо, уютно... Хочешь туда?

– Хочу, – еле выговорил Николай, облизывая пересохшие

губы.

Совершенно наплевать, какими словами этот хмырь величает его дом. Пусть хоть райскими кущами назовёт, хоть адом крошечным. Лишь бы скорее закончился этот фарс...

Ужасно хотелось пить.

– Воды... Дайте воды...

Палёный, кажется, удивился:

– Вот уж не знал, что демоны воду хлещут. Или ты сдохнуть хочешь? Думаешь, так сможешь вернуться? Нет уж, дудки. Сначала послужи мне, как следует. Если я в тебе разочаруюсь, то лично волю в твою глотку бочонок святой воды. Чтобы посмотреть, как будешь корчиться напоследок.

– Тогда уж лучше расплавленное серебро, – гоготнул один из тех, кто держал наготове пистолет. – Помнишь, Левиаси, как тот полудемон серебряное блюдо сожрал?..

– Заткнись, придурок! – почему-то взбеленился Палёный, порывисто шагнув к болтливому приятелю. – Сколько говорить, чтобы не называл меня по имени!

Да ладно. Ему что, собственное имя не нравится?

Впрочем, действительно, неблагозвучное какое-то. Больше подходит гею, чем разбойнику с большой дороги. Левиаси... Ну надо же.

Николая разобрал смех. Сначала похихикивал тихонько, распаяясь всё больше. В конце концов, разразился диким безудержным хохотом. Видать, нервы окончательно сдали.

Три надзирателя уставились на него во все свои пять глаз.

– Что? – взвизгнул главарь. – Что тут смешного?

Смех только сильнее. Не отпускает, захлёстывая.

– Лев... Лев... Иа... Иаси! – Николай чуть не бился в истерике. – Ой, не могу!.. Лёва, блин... Иаси!.. Ха-ха-ха!

Отбросив белую тряпку, Палёный-Левиаси с лицом, перекошенным злобой и багровым ожогом, подлетел к Николаю. Остриё шпаги, оказавшейся вдруг в руке, упёрлось в мягкую ямку под кадыком, неприятно уколов кожу. Кажется, до крови. Приступ смеха мгновенно прошёл.

Главарь низко склонился, обдав запахом гнилых зубов:

– Ты что же думаешь, я твоего имени не знаю? А кто по-твоему тебя вызывал? Ты – Волох. Ты – Идущий-во-Тьме. Ты – Одиночка-странник. И ты же – Карающая Рука. Что, не ожидал? – Палёный ощерился здоровой частью лица. – Поэтому никуда тебе не деться, демон. Будешь делать всё, что я скажу...

Он ещё много чего болтал, пытаясь придать голосу грозное рычание. Только Николай совсем не слушал. Первые же слова сразили «демона», что называется, наповал.

Давным-давно, ещё в бытность детских кличек, друзья прозвали Колю Волохой. Почему так? Да потому что фамилия у него Волошин. Откуда об этом знать обитателям потустороннего, не существующего по всем канонам классической физики мира, никак не связанного с той, земной жизнью? Тем более, что последнее время никто его так больше не называл. Всё чаще Николаем Ивановичем именовали,

не иначе. Юношеская кличка уже позабылась.

И вот нате вам. Он слышит здесь, почти слово в слово, старое пацанское прозвище, которое давно, казалось бы, кануло в лету. И от кого! Первого встречного, совершенно незнакомого мужика. Ещё и потустороннего...

Впору сойти с ума.

– Эй! Ты кто? – раздался вдруг возглас одного из охранников.

Левиаси порывисто выпрямился, разворачиваясь и открывая обзор.

От леса шёл человек, закутанный в плащ, такой же коричневый, как унылый пейзаж вокруг. Широкий капюшон скрывал добрую половину головы, поэтому лица не разглядеть. Человек двигался неторопливо, будто на прогулке, не обращая внимания на пистолеты, направленные уже на него.

– Стой, не то пальну! – охранник угрожающе вытянул руку в сторону незваного визитёра.

Тот остановился метрах в пяти от бандитов – у Николая уже не было никаких сомнений, что попал именно к бандитам. Наверное, во всех мирах и во все времена они выглядят одинаково.

– Стою. Дальше что? – донёсся из-под капюшона женский голос.

– Тю, так это же баба, – зычно гоготнул надзиратель.

Расплылся в плотоядной улыбке и, сунув пистолет за пояс, шагнул к незнакомке.

Зря он так. Рано расслабился. Даже Николай в своём незавидном положении уловил исходящую от женщины угрозу, хоть её фигура и скрыта складками плаща. По всему видать – опасная штучка. Слишком уж уверена в себе. И грация кошачья, как у хищницы. Похоже, этот горе-надзиратель ей на один зуб. Шею свернёт и не поморщится. А может и всем сразу, несмотря на то, что по габаритам с ними и близко не стояла.

Осталось дожидаться развязки. Коля надеялся увидеть нечто в стиле айкидо или, в крайнем случае, пронзающий грудь клинок. Но всё произошло куда банальнее.

Подняв руку, незнакомка откинула капюшон, и тут же за её спиной прогремели выстрелы. Вырвавшиеся из леса клубы густого дыма обволокли стволы ближайших деревьев белым крутящимся облаком. Два охранника свалились, как подкошенные. Третий... А где он, кстати?

Сзади всхрапнула лошадь. Послышался удаляющийся стук копыт. Похоже, Левиаси решил не испытывать судьбу и дал дёру. Когда успел? Вроде бы только что совсем рядом стоял.

Ещё выстрел. Это женщина, достав откуда-то пистолет, пальнула в беглеца. Попала ли? Судя по досадливой гримасе, нет. М-да, из такого самопала вообще трудно во что-то попасть, особенно когда строптивая цель не стоит на месте, а во всю сверкает пятками.

Пока незнакомка холодным прищуром провожала улепё-

тывающего бандита, из-за деревьев показались два стрелка, похожих друг на друга как близнецы, и трусцой засеменяли к ней. У каждого в руках длинное ружьё. И одеты одинаково, словно солдаты регулярной армии. На обоих высоченные сапоги, короткие кафтаны цвета хаки, крест-накрест перекрёстнутые ремнями, на которых помимо шпаг болталась разная амуниция. На головах широкополые шляпы. Жаль, без перьев. А так – вылитые мушкетёры.

Миновав женщину, они подошли к подстреленным разбойникам. Поставив ружья на приклады, взяли за шпаги. Несколько раз, не церемонясь, проткнули бесчувственные тела. Нормальный ход. Это у них вместо проверки пульса?

Наконец, обратили внимание на Николая. Двинулись к нему. «Солдаты» встали с боков наподобие почётного караула и одновременно заработали шомполами, заряжая стволы. Чувствуется выучка.

Мягко, бесшумно ступая, приблизилась женщина. Издали казалось, что ей около тридцати. Теперь же, видя морщинки вокруг прищуренных глаз и в уголках плотно сжатых губ; густо усыпанную сединой, некогда тёмную шевелюру, собранную на затылке в короткий хвост; Николай понял, что женщине далеко за сорок. Но энергия от неё исходила невероятная. Чего стоил один холодный взгляд. Колючие серые глаза пронзали насквозь, точно рентген.

– Их пятеро, – прохрипел торопливо. – Где-то ещё двое. Я не видел...

– Знаю, – прозвучал её жёсткий, совершенно спокойный голос. – В охранении стояли. Мы с ними уже разобрались.

Женщина внимательно изучила его лицо, заросшее за последний месяц густой бородой. После увольнения Николай совсем перестал бриться, довольствуясь тем, что время от времени стриг бороду. Попросту закончились картриджи к станку. На новые не тратился, отказывая себе буквально во всём. Что же касается работы у Швеца, то плательщик из этого работодателя никакой. Сам без денег. Вбухивал все свои немногочисленные доходы в поиск перехода в параллельный мир, а Николая, трудившегося на голом энтузиазме, только байками кормил о том, какие несметные сокровища их там ждут. Впрочем, сам виноват. Мог ведь нормальную работу найти. Нет же, любопытно стало. Теперь как тот медведь из анекдота, получивший ослиным копытом в лоб: «Ято, дурак, чего полез? Читать же совсем не умею». Где оно, то пресловутое богатство? За что боролись, как говорится...

Пристальный взгляд женщины скользнул по рубашке, брюкам, потерявшим из-за налипшей грязи свой изначально яркий цвет. Задрав штанину, с интересом осмотрела туфли на шнурках, носки – тоже порядком испачканные. Затем переклочилась на ремни на руках. Даже провела по ним пальцами в перчатках из тёмной кожи с мягкими, обвислыми крагами.

Николай подумал, что его собираются освободить. Однако женщина, оставив путы в покое, сняла с пояса плоскую

флягу. Встряхнула её, прислушиваясь к плеску.

– Воды? – спросила коротко.

– Да, – столь же скупое кивнул Николай.

С приглушённым хлопком пробка покинула объятия горлышка. Наконец-то! Живительная влага смочила рот и побежала по пересохшей глотке.

Пил жадно. Вода опять потекла по подбородку, орошая и без того мокрую рубаху.

Поперхнулся, не рассчитав глоток. Зашёлся в кашле, с жадностью глядя на удаляющуюся флягу. Скрипучая пробка встала на место. Вот зараза! Всё равно, что приложился к вожаденному крану с холодной водой, а из того капнуло пару раз и до свидания. Только воздух шипит издевательски...

– Ну, и кто ты таков?

Да уж, интересный вопрос. Ещё бы знать правильный ответ.

– Николай...

В глазах женщины мелькнуло лёгкое удивление.

– Это твоё имя?

– Да.

– А дальше?

Чего дальше-то? Полностью ей представляться? Такое чувство, что ложь она чувствует за версту. Попробовал говорить правду:

– Волошин Николай Иванович.

– Откуда ты?

Час от часу не легче. Как тут объяснишь, что перенёсся из другого мира? Те пятеро, кто видел это воочию, сразу в демоны записали, даже фамилии не спросив. Другие хоть спрашивают. Вопрос в том, понравятся ли им ответы. Эх, придётся-таки врать. Ну, разве только чуточку.

Немного помолчав, демонстрируя, что старательно копается в памяти, Николай выпучил глаза в притворном испуге:

– Не помню!.. Странно. Имя вспомнил, а больше ничего.

Женщина скептически хмыкнула:

– Значит, как оказался у вызывальщиков – не знаешь?

Попробовал мотнуть головой, но затылок отозвался тупой, ноющей болью. Опять всё завертелось. Небо так и норовило поменяться с землёй местами. В глазах потемнело. Прошиб холодный пот. Лишь осторожно прижав многострадальную голову к спице колеса, Николай почувствовал облегчение.

– ...Отвязать, – услышал голос незнакомки, похожий на далёкое эхо. – И осторожно. Держите его под прицелом. Полностью раздеть. Вещи сразу в мешок. Потом снова свяжите и посадите в телегу.

– Думаете, он опасен, Айдесима? – недоверчиво спросил кто-то из солдат.

– Не знаю, – прозвучал в ответ задумчивый женский голос. – Не знаю...

«Айдесима. Что за странное имя», – думал Николай, на-

блудая сквозь пелену медленно рассеивающегося чёрного тумана, как один человек распускает ремни на его руках, а другой целится в грудь из длинного мушкета.

Глава 5. Айдесима

– Из другого мира, говоришь? – Глаза собеседницы недоверчиво блеснули сквозь прищур. – И где же находится твой мир?

– Понятия не имею. – Заметив, что женщина хмурится, Николай поспешил объяснить: – Ну, не знаю я как сказать. Понимаете, наши миры существуют независимо друг от друга. Кое-где соприкасаются. В таких местах и можно переходить из одного мира в другой. Но как это происходит, ума не приложу.

– Ты же перешёл.

– Да, но сам не знаю как. Сдаётся мне, постарались ваши... Эти... Тот, с опалённым лицом.

– Вызывальщики?

– Угу. Я прямо на них нарвался. Видать, сделали там что-то, и меня перебросило.

– Странно... – Женщина задумчиво уставилась в дальний угол, куда практически не проникал свет.

Здесь, в тесном сарае, Николай оказался, когда их отряд вошёл в небольшую деревушку. Его посадили под замок, бросив охапку сена. Снаружи приставили солдат. А до этого часа четыре без малого пришлось трястись в телеге. Всю дорогу он то лежал, то сидел, то полусидел, созерцая проплывающий мимо унылый пейзаж и небо в зеленоватых разво-

дах. Всё разнообразнее, чем вечно сторбленная спина возницы перед носом да три неизменных всадника позади. Сказать по-правде, никакой дороги не было и в помине. Ехали по более-менее ровным полям и перелескам. Только у самой деревни под колёсами зашуршал гравий с песком.

Пока не остановились в ближайшем дворе, с Николаем никто даже не пытался говорить. Всё между собой болтали. Да и здесь он удостоился лишь нескольких коротких фраз от солдата, которому Айдесима дала какие-то указания насчёт пленника:

– Слазь. Пошёл вперёд. Прямо иди. Сюда давай.

Очень похоже, кстати, что «Айдесима» – вовсе не имя, а нечто вроде звания или титула. Подчинённые – а женщина, без сомнения, была у них за главного – то и дело раскланивались, обращаясь к ней подчёркнуто вежливо, с каким-то внутренним трепетом:

– Да, уважаемая Айдесима. Всенепременно, Айдесима. Как прикажете, Айдесима. Всё, что ни пожелаете...

Особенно усердствовал третий, до поры отсиживавшийся в лесу, приглядывая за лошадьми. Буквально из кожи лез, чтобы угодить своей командирше. Наверное, личный слуга. И одет проще, чем остальные, и не вооружён. Хотя какая-то коротенькая шпажонка, больше похожая на длинный кинжал, всё же висела у него на поясе.

Вот и выходит, что имя своей спасительницы Николай так и не узнал. Впрочем, вряд ли можно говорить о ней, как

о спасительнице. Ну да, освободила. А потом что? Сама же и повязала. Будто своих мужиков ей не хватает...

Там, у леса, Николая раздели, явив придирчивому взору Айдесимы его заметно округлившееся после ухода на пенсию, ничем не прикрытое тело. Не то чтобы он стеснялся. От врачей, среди которых почему-то сплошь одни женщины, ещё не такое терпел. Продрог просто. Сказывалась проклятая сырость и промозглый воздух. Даже от слабого ветерка пробирал озноб. Родная, изрядно перепачканная и насквозь промокшая одежда, уже упакованная в холщовый мешок, была сейчас желаннее любой другой. Пусть даже самой сухой и тёплой.

Не в силах сдерживаться, Николай трясся всем телом, громко клацая зубами. И вид имел, наверняка, жалкий, раз уж Айдесима кинула слуге свой плащ, приказав укрыть им пленника. Плотная ткань, похожая на брезент, хорошо защищала от ветра и влаги. А мягкая подкладка бережно хранила тепло, не давая мёрзнуть. Тем и спасался в пути, пытаюсь укутаться как можно плотнее. Правда, чертовски неудобно это делать, когда твои руки стянуты ремнями.

Чуть позже в сарай заглянула Айдесима, устроившая форменный допрос. Как положено, с аргументами и доказательствами, в качестве которых прихватила одежду Николая. Без прелюдий сразу взяла его в оборот:

– В твою сказку о потере памяти я не верю. Ты можешь, конечно, и дальше ничего не говорить, но вот что мы име-

ем. – Она показала ярлыки на поясе брюк и на воротнике рубашки. – На твоей одежде тайные письма и знаки. Заклинания, которыми пользуются колдуны. Сам ты выглядишь чужаком. Нашли тебя у вызывальщиков распятым на колесе. Так поступают либо с жертвой для ритуального кровопускания, либо с одержимым. Идя по их следу, я наткнулась на место силы, где явно проводился вызов. Жертву зарезали бы там. Тогда кто привязан к колесу?

– Вероятно, тот, кого вызывали, – вздохнул Николай, прекрасно понимая к чему клонит его дознаватель.

– Вероятно, – повторила та.

– И кого же таким способом вызывают?

– Демонов.

– Разве я похож на демона?

– Нет. Но это и не важно. Для местных достаточно того, что выглядишь чуть по-другому. Что говоришь растянuto, словно тебе наш язык не родной. Что мыслишь не так, как все. Что носишь другую одежду. И прочее, прочее... В их глазах ты демон. Значит, надо тебя обезглавить и сжечь.

Весёлая перспектива, чёрт побери. Стоило сюда так рваться, чтобы закончить на плахе? Везёт, как утопленнику.

– Зачем вы мне всё это говорите?

– Хочется услышать правду.

– Разве вы не считаете меня демоном?

– Не говори ерунды. Я слишком хорошо их знаю, не будь я Айдесима.

Тяжело вздохнув, Николай мотнул головой:

– Боюсь, мне никто не поверит. Я сам себе с трудом верю.

– Предоставь судить мне об этом. Итак, я слушаю.

Он откинулся на сене. «Что ж, хуже не будет». И выложил всё, что вспомнил. Всё, что знал или мог знать...

Кажется, она поверила. Причём сразу и безоговорочно. По крайней мере, дала это понять. А может, ей попросту требовалось время, чтобы всё осмыслить. В любом случае Николай получил передышку вместе с миской застывшей каши, одеждой и относительной свободой, когда ему, наконец, развязали руки.

Каша была твердокаменная, но голод, как известно, не тётка. Съел всё, с трудом пропихнув этот крошащийся цемент в горло. Затем принялся разгребать вещи.

Вся одежда оказалась только местного покроя. Ни одной собственной шмотки. Даже вместо трусов, не имевших ни русского, ни импортного ярлыка, ему подсунули короткие кальсоны. С виду те же «семейники», но узковаты в бёдрах. Ещё были штаны без пуговиц, на завязках. Ладно, хоть с ширинкой. Просторная рубаха, чьи рукава-раструбы тоже стягивались вшитыми тесёмками. Такая же тесьма шла по воротнику. Ну, и короткий кожаный колет – как и всё прочее, на шнуровке.

Экзотический гардероб довершала пара поношенных ботфорт с мягкими голенищами, а к ним две портянки не очень свежего вида. Нет, всё чистое, но явно не новое. Даже думать

не хотелось, кто щеголял в этих шмотках до него.

Штаны с рубахой висели мешком, колет не сходилась на животе, а вот сапоги пришлись впору. Николай как раз топал по соломе, пробуя обнову, когда в сарай зашла Айде-сима.

Критически оглядев пленника, она удовлетворённо хмыкнула:

– Совсем другое дело. Выглядишь, как местный зажиточный крестьянин. Осталось бороду сбрить.

– Разве у вас её не носят?

– В городе это признак дурного тона и нищеты. Рискуешь быть заколотым посреди улицы. А вот простолюдины наверняка решат, что перед ними одержимый, и забьют до смерти. Если не хочешь прослыть нечистым, то брейся.

С этими словами она бросила под ноги широкий нож с коротким лезвием.

А чего он, собственно, хотел? Фирменных «Джилетов» здесь нет. Используй то, что под рукою.

– Мне бы воду, – проговорил без особой надежды. – И мыло хоть какое...

Не успел закончить, как в сарае появился солдат. Поставил перед Николаем пустой казан и кувшин с горячей водой, из которого валил пар. На солому рядом с казаном легло свёрнутое полотенце, а сверху коричневый кубик самого настоящего мыла. Фантастика!

– Может, у вас и зеркало найдётся? – осмелел Коля.

Его тут же одёрнули:

– Не наглей. Хватит и этого.

Айдесима вышла вслед за солдатом. Прямая, решительная...

Так-так. Верят ему всё же не до конца. Осторожничают. Что ж, это как раз понятно. Попадись ему на Земле такая вот странная особа с рассказами о том, что попала сюда из другого мира, поверил бы? Чёрта с два! Нож бы точно не дал. Или она не боится обычной стали? Чем зеркало-то страшнее? Может, здесь это магический артефакт?

Он как раз брился, когда подумал об этом. Рука с ножом так и замерла, перестав скрести щеку. Спустя мгновение, снова поползла вниз, медленно срезая остатки мыльной щетины. Что-то не очень хотелось проверять свою догадку. По крайней мере, прямо сейчас.

Через полчаса молчаливый солдат повёл Николая в избу – простой бревенчатый сруб с маленькими оконцами да скрипучей, разохшейся дверью. Разглядеть крестьянский дом во всех подробностях не удалось, поскольку на улице быстро темнело. Чуть позже, наверно, и побриться бы не смог. Разве только наощупь.

Миновав узкие сени, попал в кухню, если судить по громоздкой печи у стены и заваленному посудой столу. За ним, у самого края, на грубо сколоченном табурете сидела Айдесима, глядя на завораживающую пляску огня в открытом очаге.

Посмотрев на вошедших, она кивком отправила солдата за дверь.

– Садись, – показала на второй табурет, задвинутый под стол.

Николай положил перед ней свёрнутый плащ.

– Спасибо, – поблагодарил сразу за всё и уселся, сложив руки перед собой.

– Оставь себе, – отмахнулась женщина. – Одежду я всегда беру с запасом. Охота – дело довольно грязное.

– Охота?

– А чем ещё, по-твоему, заниматься Айдесиме в этой глуши?

Нет, она что, издевается? Откуда ему-то знать чем вообще промышляют всякие там Айдесимы. Извините, должностную инструкцию не читал. Может, они здесь живут.

– Не знаю, – признался честно. – Наверное, много чем. Вообще-то я здесь только первый день.

– А, ну-да, – безразлично бросила собеседница и опять уставилась на огонь.

Что-то уж слишком быстро подзабыла рассказанную Николаем историю. Лукавит? Наверняка. Мимоходом устроила очередную проверку. Теперь так и будет удочки закидывать. Лишний раз убедился, что ему до конца не верят.

Тогда с вопросами лучше повременить. А они так и просятся на язык.

Впрочем, один безобидный задать можно:

– Как мне к вам обращаться?

– Как и все – Айдесима. Другое у нас не принято.

– Это же не имя?

Её взгляд словно плетью хлестнул.

– Нет, не имя. Хочешь его знать? – холодно прозвучало

в ответ.

«Осторожно, Коля, – зазвенел в голове предупреждающий набат. – С именами здесь, похоже, не всё просто».

Стараясь не подавать виду, как можно спокойнее проговорил:

– Если нельзя, то ничего, переживу. Просто там, откуда я родом, друг друга принято называть по имени. Моё, к примеру, вы уже знаете.

Губы Айдесимы тронула слабая усмешка. Лицо, резко очерченное светом очага, приблизилось почти вплотную.

– У человека может быть великое множество имён, – прозвучал её таинственный полушёпот. – Но лишь одно из них истинно. То, которое даётся свыше. Ты рискнёшь назвать своё?

– Я назвал целых три.

– Но есть ли там то единственное?

М-да, зря надеялся, что сумеет убедить Айдесиму своим откровением.

– Не верите, – вздохнул Николай.

– Не доверяю, – уточнила собеседница.

– И что нам с этим делать?

Она села ровно, не сводя с Николая пристального взгляда.

– Пока побудешь при мне. Посмотрим, что ты за человек или... нечеловек.

Глава 6. Ведьма

Айдесима позволила спать в доме, возле натопленной печи. Такой привилегии не удостоился больше никто из её окружения. Преданный слуга, похоже, ночевал на конюшне в компании лошадей, а солдаты заняли освободившийся сарай, который до этого караулили. Сама же Айдесима куда-то вышла, ничего не сказав.

Ну, пошла и пошла. Не ждать же, когда благородная дама соизволит прилечь. Николай растянулся на лавке, подсунув под голову плащ, и тут же уснул. Словно аварийное отключение организма сработало. Многовато пережил за один день, вот сон и сморил.

Спать, правда, было жестковато. Постель – одна худая шкура в отличие от набитого соломой матраса на койке Айдесимы. Всю ночь ворочался. В итоге встал рано, не выспавшийся и с отдавленными боками. Соседний лежак пустовал.

«Она что, совсем не ложилась?»

Впрочем, нет. Солома примята.

С улицы донеслись голоса. Подойдя к окну, Николай увидел как Айдесима что-то втолковывает солдатам во дворе. Они с готовностью внимали, преданно пожирая хозяйку глазами. Это ж надо так уметь управлять людьми, чтобы они тебе в рот заглядывали.

Женщина обернулась, будто почуяла взгляд. Призывно

махнула рукой.

«Вот, уже и мною командует», – мысленно вздохнул Коля и побрёл к выходу.

Солдаты уже исчезли. Наверное, ринулись со всех ног выполнять приказ любимой командирши. Энтузиасты, блин.

– Пойдёшь со мной, – коротко бросила эта сухая палка и зашагала со двора.

«А фигурка у неё ничего. Сохранилась», – отметил Николай, топая следом.

Одевать плащ Айдесима не стала. На ней были ботфорты, обтягивающие штаны, заправленная за пояс рубашка и короткий камзол. Всё совершенно чёрное, как самая непроглядная ночь – даже перчатки на руках, покоящихся одна на пистолете, а другая на эфесе короткой шпаги. Говорят, чёрный цвет стройнит. Посмотришь сзади, будто молодуха вышагивает. И талия на месте, и нижний бюст симпатичный, кругленький, и ножки стройные. Только седые волосы и выдают...

– Волош, делом займись, – привёл в чувство резкий голос Айдесимы.

И эта кличку дала. Ну что за мир!

Николай осмотрелся. Небольшая, изрядно вытоптанная площадка. Похоже, центр деревни. У крайних домов горстка людей. Мужики с бабами бомжеватого вида жмутся к низким оградкам, топчутся, меся грязь. Кто их тут собрал и зачем?

– И что мне делать?

– Молча слушай, смотри, наблюдай. Когда задам вопрос, ответишь.

Появились оба солдата, ведя под конвоем какую-то селянку. Прошли вперёд и встали посреди площадки, лицом к собравшимся. Женщина ничем особым не отличалась от прочей серой массы таких же баб, забитых повседневым изнурительным трудом, а возможно и мужьями. Разве только чуть-чуть красивее и свежее выглядела. А глаза ясные, как здешнее небо, с тем же зеленоватым отливом. Интересно, в чём она провинилась?

– Кто обвиняет эту женщину в том, что она ведьма? – громко спросила Айдесима, обращаясь к толпе.

Люди завертели головами, словно искали кого-то. Послышался ропот, в котором то и дело проскакивало: «А чё я? Чё я-то?»

Немного подождав, Айдесима снова повысила голос:

– Если таких нет, я освобожу её и займусь теми, кто выпускает подобные слухи.

Толпа пришла в движение. Сразу несколько рук вцепилось в дородную тётку в годах и вытолкали вперёд. Она сопротивлялась как могла. А оказавшись перед Айдесимой, застыла, будто статуя, испуганно хватая ртом воздух:

– Я... я... я...

– Говори, коль уж вышла. Подтверждаешь? Это ведьма?

– Да-да-да, – часто закивала тётка. – Ведьма, ведьма. Ещё

какая...

– Чем докажешь?

– Да об этом все в деревне знают, ваша светлость. Ходить тут такая... Вон, всех мужиков у нас поотбивала. Они как с ума посходили, за ней ухлёстывают. Верно я говорю, бабы? – обернулась к толпе. За её спиной одобрительно загудели.

– Да ведьма она! – выкрикнул кто-то. – Мужа мово соблазнила, бесстыжая. Он в жисть за чужими юбками не бежал. А тут ента...

Потом заголосили другие. Причём, одни бабы. Мужики понуро отмалчивались.

– Ещё в чём её вина? – перекрывая гвалт, выкрикнула Айдесима.

Толпа притихла. Толстуха попятилась, пробуя втиснуться в людскую массу, но жёсткий взгляд вопрошающей пресёк эту попытку:

– Тебя спрашиваю, Говорящая-от-всех. Отвечай!

– Ммм... Я не... – Маленькие глазки беспокойно забегали.

– Она кого-то умертвила?

– Не... не... – Жирные щёки тряслись как холодец, когда тётка мотала головой.

– Оживляет мертвецов или призывает нечисть?

– Нет-нет! – Тётка обхватила себя за плечи, сложив руки крест накрест, словно защищая свою безразмерную грудь.

– Портит урожай, изводит скот?

– Нет... – Совсем потухший голос. Опустила голову. Руки безвольно упали вдоль тела.

– Значит, ничего такого, чем занимается обычная ведьма, эта женщина не делает? – подвела итог Айдесима.

– А мужики наши? – вскинула толстуха заплаканные глаза.

Отойдя от неё, «дознаватель» приблизилась к Николаю.

– Ну, что думаешь? – спросила тихо.

Тот ещё раз глянул на понуро стоявшую подсудимую. Да какая из неё, к чертям собачьим, ведьма!

Подумав, сказал:

– Вся вина этой девочки, похоже, в том, что решила осчастливить нескольких мужиков. Те, полагаю, остались довольны. А вот их жёны...

– И как ты это понял?

Странный вопрос. Что, к примеру, ответит музыкант, спроси у него, почему он так здорово играет? Не обязательно быть слишком продвинутым физиономистом или психологом, чтобы увидеть основное – по мимике, по взглядам, по жестам. Услышать в интонации голоса. Да мало ли ещё по чём.

– Смотрел, слушал, – просто сказал Николай.

Оценив иронию, Айдесима чуть заметно улыбнулась. Кивнула на толпу:

– А им что будешь говорить, если вдруг придётся?

– А вы позволите?

– Ну, попробуй. Только говори от моего имени.

Коля хмыкнул и направился к толстухе.

– Айдесима спрашивает, где твой муж, женщина?

– Дак туточки он. Вот. Иди сюда, короста. Чего вылупил-ся? Покажи свою бесстыжую рожу её светлости.

Пухлыми ручонками она живо выудила из людской массы щуплого мужичка, поставив его рядом с собой. М-да. И как он с нею до сих пор уживается?

– Ты спал с этой женщиной? – Николай показал на подсы-димую. – Отвечай её светлости.

Мужик просто кивнул, не поднимая глаз.

– Теперь пусть выйдут сюда все те, кого она соблазнила.

Ещё несколько мужиков оказались впереди, буквально выпихнутые силком своими же бабами.

– Так, – протянул Николай. – И где же ваши жёны? Выхо-дите, выходите, не стесняйтесь. Покажитесь Айдесиме. Что-бы она видела, кто тут пострадал от происков проклятой ведьмы.

Бабы выстроились возле своих мужей. У всех жалкий, за-трапезный вид. Кто с жирными телесами не хуже первой тол-стухи, кто наоборот – кожа да кости. Да и одеты неряшливо, в непонятной хламиде. Небось, и разит от них не по мелочи. Таким грех не изменить. Особенно если «ведьма-соблазни-тельница» не в пример женственнее.

Внимательно изучив «потерпевших», Николай вернулся

к Айдесиме и уже оттуда выкрикнул, чтобы слышали все:

– Может, не она ведьма, а вы, раз от вас мужики бегают?

В толпе захихикали. Даже Айдесима соизволила улыбнуться, тут же выдав приговор:

– Объявляю эту женщину невиновной!

Когда солдаты оставили её в покое, «ведьма» уходить не спешила. Пристроилась за процессией, сопровождающей Айдесиму, и дошла с нею до самого дома. Там, на удивление Николая, принялась молчком накрывать на стол. Когда закончила и тихо выскользнула за дверь, Николай не удержался, спросил:

– Вы и её решили при себе оставить?

– Вообще-то мы у неё в гостях.

– То есть вы не знали, что хозяйку этого дома считают ведьмой?

– Почему же. Знала. Потому здесь и остановилась. Будь это ведьма, попыталась бы мне навредить. Или тебя бы освободила, зная, что мои люди сторожат демона в сарае.

– Ваши люди сболтнули? – усмехнулся Николай.

– Они, но по моему приказу. Надо же было её проверить.

В любом случае ни то, ни другое она не сделала. Потому, идя на судилище, я уже знала, что женщина невиновна.

Вот тебе раз. Выходит, весь тот спектакль на площади был пустой тратой времени?

– Думаешь, зачем тогда согнали всю деревню и устроили представление?

Она что, мысли читает? Да ладно.

– Во-первых, теперь она официально признана невиновной, о чем знает не только сама, но и её односельчане. Во-вторых, я смогла оценить твои способности.

– Хм. И как я вам показался?

– Нормально. Один плюс, можно сказать, заработал. Смотри, чтобы минусов не было.

– Минус на минус даёт плюс, – пробурчал Николай и накинулся на еду.

Из деревни уезжали на следующее утро. Тихо, без лишнего шума.

Только-только начало светать. Телега в сопровождении трёх всадников проехала по пустынным улочкам, не встретив ни единой живой души. Лишь кое-где лениво лаяли собаки. Вторя им, из плотного тумана изредка доносились приглушённые голоса прочей домашней живности, встрепенувшейся от ночного сна.

Сидя в телеге, Николай непрерывно зевал. Тот самый случай, когда поднять подняли, а разбудить забыли. На кой чёрт Айдесиме понадобилось выезжать в такую рань? Что там она сказала, когда об этом спросил? Ах, да: «Надо засветло миновать Распутье». Знакомо звучит. Наверно, ещё одна деревня. Или место, где дороги сходятся. Мало ли похожих названий.

– Не спать! – вырвал из полудрёмы негромкий окрик Айдесимы. – Смотреть в оба. Лес близко.

При чём тут лес? Разбойники шалят? Или дикие звери нападают?

Посмотрев на окутанные туманом деревья, поймал себя на мысли, что не так уж безмятежен этот лес. Из-за стволов определённо веет угрозой. Казалось, там кто-то прячется и постоянно следит, провожая недобрым взглядом.

Сон как ветром сдуло. Растерев лицо, Николай плотнее закутался в плащ. От нечего делать стал рассматривать поклажу. Так, это тюки с провизией и вещами. Ничего интересного. Сам видел, как слуга их упаковывал. С ним же потом и грузили это всё в телегу. А здесь что, под соломой?

Носком сапога поддел что-то твёрдое, извлекая на божий свет непонятную железяку. О, тренога. Та самая, что была у вызывальщиков. И факелы рядом сложены. Несколько заготовок. Обычные палки с намотанной паклей. Здесь же и огниво в деревянной коробке. Помимо кресала и кремня в ней нашёлся небольшой мешочек с красным порошком.

– Что там у тебя? – Айдесима поравняла свою лошадь с телегой.

– Огниво и какой-то порошок. – Николай потряс мешочком, заполненным едва ли наполовину.

– Ружейное зелье, – хмуро бросила всадница, похлопав по рукояти пистолета в седельной кобуре, и ускакала прочь, в голову колонны.

Порох, что ли? Почему красный, а не зелёный или, скажем, чёрный?

– Здесь-то он зачем? – буркнул себе под нос.

– Так им же огонь и разжигают, – с передка подал голос лакей.

Белобрысый паренёк, преданный слуга своей госпожи, которому едва ли перевалило за двадцать пять. Зато имя носил чудовищно длинное и труднопроизносимое – Филисерти. Коля предпочёл звать его кратко, Фил. Если тому и не нравилось, то виду не подавал.

– Сыпанёшь маленько, чиркнешь раз, и готов костерок, – закончил слуга.

Понятно. Вместо трута, видать, используют. Ну да, с порохом это дело куда проще, как и с бензином. Только углеводороды здесь пока не в ходу.

– А скажи-ка, Фил, куда мы так спешим с утра пораньше?

– Известно куда, домой едем. В светлый город Припять.

Да ладно! Николай чуть с телеги не упал. Нет, умом-то понять, конечно, можно, что названия в параллельном мире бывают похожими или вообще совпадают. Но Припять...

– А такого Чернобыля там поблизости, часом, нет? – спросил с опаской.

Возница мотнул светлыми кудрями:

– Нет. О таком не слышал. – Повернув конопатое лицо, таинственно добавил: – Зато есть Распутье.

– Да что за Распутье такое. Все о нём только и твердят. Тоже город?

– Может, и город, – бросил в пустоту Фил, снова глядя

вперёд. – Странный только. И пустой.

– Чем странный-то? Дома кривые?

– Да нет, не кривые. Пустые все да полуразрушенные.

Но не похоже, что для людей.

– Для кого ж тогда?

– Ну, для великанов или больших муравьёв. Может ещё для какой нечисти, что там водится. Не знаю. Никому не ведомо, как они выглядели.

– Откуда же такие догадки, если никто ничего не знает?

Фил обернулся, внимательно посмотрев на Николая.

– Вот сам увидишь, тогда всё и поймёшь.

Больше они эту тему не трогали, болтая о погоде, о лошадях и прочей ерунде. А потом из-за леса взошло солнце...

То ещё зрелище.

Сначала окрасились верхушки деревьев. Солнечные лучи весело заиграли в молодой листве. Тени поползли к лесу, делаясь всё короче. И вот над горизонтом показался край диска. Оранжевый, с красноватым отливом, он медленно рос, вытягиваясь вверх, всё больше заполняя собою небо.

Туман, прижатый к самой земле, буквально стелился по ней, похожий на разлитое молоко, убегая следом за тенью.

А когда обогнули стену густо растущих деревьев, в глаза ударил ослепительно-яркий свет утреннего солнца, величественно воцарившегося над миром, словно лучезарный бог восседал на качающемся троне, на самом краешке земли.

Любоваться бы этой красотой до бесконечности. Да

жаль, нельзя. Сильно слепит. И без того солнечный свет сморил, заставив смежить веки. К тому же сказывался слишком ранний подъём. Под мерное покачивание и монотонный скрип телеги Николай сам не заметил, как погрузился в сон.

Проснулся от смутного чувства тревоги, сразу сообразив, что движение прекратилось. Приподнялся, осматриваясь и протирая глаза. Они стояли на краю широкого поля, перед старым бревенчатым домом. С виду он выглядел вполне себе жилым. По крайней мере, все окна застеклены, досками не заколочены. Дверь на месте, только подперта большим, увесистым чурбаком. На маленькой веранде развешена домашняя утварь. Такое впечатление, что хозяева ушли ненадолго и вскоре должны вернуться. Только вот Айдесима, достав почему-то шпагу, осторожно подступала к двери, словно старалась оставаться незамеченной. Смешно. Всё равно её из окон видно. К тому же кто в здравом уме станет сам себя запирасть?..

Зловещая тишина кругом. Даже птицы не щебечут. Одинокая изба словно погружена в сон и, в то же время, внимательно следит за округой сквозь отражения в стёклах. Что там за ними? Нет, определённо, в этом доме что-то притаилось и ждёт.

Стряхнув остатки дрёмы, Николай огляделся внимательнее.

Двор ухожен, прибран. Разве только некоторые вещи неаккуратно раскиданы, словно хозяева собирались впопы-

хах. Там дрова брошены, там солома растаскана, там лопата валяется, там тряпки какие-то, ещё что-то... Загон для скота пуст. Чуть в стороне сарай, дверь которого распахнута настежь и медленно качается на скрипучих петлях.

Странно. Хозяйство-то здесь ведут. Вон, и поле недавно вспахали. За ним несколько таких же домиков, на приличном удалении друг от друга. Похоже на хутор.

Подойдя к двери, Айдесима прижала к ней свободную ладонь и замерла, будто прислушиваясь к чему-то. Солдаты с мушкетами наизготовку встали по бокам. Держат окна, если говорить языком спецназа. Здесь, у себя в мирке, эти парни тоже, видимо, не лыком шиты. Кое в чём поднаторели. Очень похожи на местных омовцев. Те же ухватки.

Кончиком шпаги Айдесима указала на телегу:

– Филисерти, убери чурбак. Волош, иди за мной.

Фил тут же оказался рядом и без видимых усилий отвалил чурбак в сторону. Здоровый бугай, ничего не скажешь. Почему бы не взять с собой и его? Или хотя бы солдат. Всё надёжнее будет. Нет же, иди ты, гражданин Волошин. Подставляй шею. Знать бы ещё под что и ради чего. Впрочем, и так ясно – грядёт очередная проверка.

Вздыхнув, Коля спрыгнул с телеги. Отряхивая одежду от соломы, поплёлся к дому.

В открывшийся тёмный проём Айдесима нырнула первой. Резко, без предупреждения. Только край плаща мелькнул. «Вот же... Шустрая bestия», – успел подумать Николай, бро-

саясь за ней, чтобы не потерять из виду. А что прикажете делать, если с оружием здесь лишь эта сумасбродная баба. Могли бы хоть нож ради приличия дать. Пусть даже тот, которым брился...

Глава 7. Барабашка

– Сам бог прислал вас! Не иначе Святая троица направила к нам ваши стопы! – тараторил невысокий мужичок с пухлым, розовощёким лицом, суетливо бегая вокруг Айдесимы.

То слева зайдёт, то справа. То спереди выскочит и пятится неуклюже перед «её светлостью», неторопливо бредущей через двор, пытаясь поймать благословенный взгляд.

– Уж сколько жути натерпелись от нечисти ентой, никакими словами не передашь. Кто бы подумал, что ентот увечный такую пакость сотворит.

– Какой увечный? – остановилась Айдесима.

– Да приبلудился тут один. Дня два назад. Прискакал измученный весь. Морда опалённая...

– Как зовут? – нетерпеливо перебил Николай.

– Меня? – поднял кустистые брови сбитый с толку мужик. – Нерестом кличут. А что?

– Не тебя, дурья башка. Прибуду твоего.

В лицо впился пылающий взгляд Айдесимы. Казалось, кожа вот-вот расплавится. Ох, не любит она, когда слово поперёк вставляют. Ничего, перетерпит. Сейчас главное – выудить нужную информацию.

– Так не назывался он... э-э... господин. – Мужик явно пребывал в растерянности, не зная как обращаться к Николаю. Говоря с ним, постоянно косился на хмурую Айдесиму.

Но та, слава богу, помалкивала. – Поначалу вообще разговаривать не мог. Едва языком ворочал. Я его приютил, прищипки всякие делал. Шутка ли, пол-лица обожжено.

– Справа или слева?

Закатив глаза, Нерест принялся ощупывать пальцами пухлую физиономию, вспоминая, видно, куда прикладывал компресс. В итоге, оставив своё лицо в покое, показал на левую щеку Николая:

– Тучочки вот. Точно.

– И что дальше?

– Ну, оклемался он. В себя приходиться стал. Даже во двор до ветру бегал. А тут гляжу, батюшки святы, ружжа мово на месте-то и нет. Кто взял, думаю? Акромя пришлого енто-го и некому. Ну, я его за грудки. Так, мол, и эдак, отвечай, говорю, зачем ружжо спёр. А он глазами лупает. Не брал, и всё тут. Я где только не искал. Поначалу-то у него всё пере-рыл. Потом весь дом сверху донизу. Сарай, скотник. Во дворе поглядел. Вдруг земляца где свежевскопанная имеется. Ну, не нашёл. Снова давай палёного пытаться. А тот озлобился. Отшвырнул меня чем-то, хоть рук и не подымал. Как забормочет, забормочет. Быстро так и непонятно. Вижу, потемнело в доме, будто ночь на дворе, и тварь какая-то из воздуха образовалась. Летает, пузырями надувается. То появится, то пропадёт. Мечется по всему дому. А её ж не удержать ничем, и на ногах устоять никакой возможности. Чуть голову не расшиб, когда бестию енту схватить пытался. Ударить и то

не мог. Хоч топор возьми, хоч палку – всяк наскрозь пройдёт. Будто там пустота. И как умудрялась меня сшибать да крушить всё кругом, ума не приложу.

Да уж, в доме, и в самом деле, словно Мамай прошёл. Когда впервые там оказались, Николай, догнав Айдесиму, настороженно замершую с выставленной вперёд шпагой, вынырнул из-за её спины и увидел удручающую картину вселенского погрома. Битая посуда, обломки мебели, клочья изорванных тряпок, некогда бывших то ли одеждой, то ли покрывалами, то ли ещё чем. А посреди просторной светлой комнаты, примерно в метре от пола, парил виновник всего этого бедлама. Непонятная, изменчивая фигура из полусфер. Они появлялись из пустоты, отражая гладкими, округлыми боками проникающий в окна свет, и пропадали в никуда. Их вытягивало или сжимало, делая похожими на разлитую в невесомости ртуть. Получавшиеся фигуры то сливались воедино, в большой блестящий шар, то наоборот, разлетались отдельными каплями, нехотя отлипая друг от друга, словно растягивающаяся жвачка.

Одна такая полусфера проплыла в нескольких сантиметрах от Колиного лица. Даже своё отражение увидел. Искажённое, как в кривом зеркале.

Не успев сообразить, машинально схватил вытянутый отросток. Почувствовал биение чужой жизни в кулаке. Дёрнул...

Сферы лопнули. На их месте появился самый настоя-

ший дракон в миниатюре, которого Николай крепко держал за хвост. Змея размером с небольшую гадюку. Только вот голова вполне себе драконья. И перепончатые крылья за спиной, энергично хлопающие в попытке вырвать своего владельца из цепкой хватки человека либо поднять обоих и унести прочь, будто вытянувшийся, как стрела, устремлённый к потолку зверёк считал, что подобное действительно ему по силам.

Не переставая усердно работать крыльями, дракончик повернул голову и зашипел, раскрыв усеянную мелкими зубами пасть. А в маленьких глазах-бусинках ну ни капли угрозы и, тем более, злобы. Сплошной панический ужас. Похоже, он и сам не понимал, почему вдруг оказался здесь, в совершенно незнакомом ему месте, откуда никак не может выбраться. Куда подевались его сородичи, его тёплое, уютное гнездо и бескрайнее небо над необозримыми просторами родного мира?

Сбоку холодно сверкнула сталь.

– Стой! – только и успел выкрикнуть Коля, с замиранием сердца глядя, как хищный клинок в руке Айдесимы описывает убийственную дугу на уровне драконьей шеи, норовя отделить её от головы.

Дракончик неожиданно сложил крылья и ухнул вниз, пропуская удар над собой.

Шпага со свистом вспорола воздух, но тут же вернулась, нацелив своё жало теперь уже в Николая. Он так и стоял, дер-

жа дракона за хвост в вытянутой руке. А тот безвольно повис, болтаясь внизу, будто маятник. Трясся всем телом, боязливо поджав лапки, и не сводил с грозной Айдесимы перепуганных глазёнок. Только теперь Николай увидел, что у зверька имеются лапы – четыре, как и положено.

Опомнившись, отвёл руку, спрятав зверька за спину.

– Зачем рубить-то сразу? – упрекнул Коля. – Вполне безобидная тварь.

– Посмотри, что твоя «безобидная тварь» сотворила с домом, – не убирая шпаги, парировала Айдесима. – Ещё вопрос, куда подевались хозяева. Может, она их сожрала?

– Нет.

Дракончик изогнулся и, цепляясь коготками за плащ, осторожно пополз вверх по спине.

– Откуда такая уверенность?

– Здесь нет никаких останков. Даже крови. А тварь чересчур мелкая, чтобы человека слопать. Да и двери кто-то же подпёр.

– Ты не знаешь, откуда она и на что способна... Или знаешь? – глаза воительницы подозрительно сузились, не предвещающая ничего хорошего. – Эта гадина из твоего мира?

Появившаяся над плечом драконья мордочка вдруг потёрлась о шею, живо напомнив ластящегося кота. Айдесима мгновенно приподняла клинок. И без того напряжённая, она ещё больше стала похожа на сжатую пружину, готовую распрямиться в любой момент.

Коля слегка потянул рептилию за хвост, который по-прежнему держал в кулаке, заставив зверька немного сползти.

– Вообще-то я думал, это местный обитатель. У нас такие не водятся.

– Тогда почём тебе знать, что он безобиден?

– Чувствую.

На лице женщины появилась недоверчивая гримаса. В это время настырный зверёк снова влез на плечо и потёрся головой теперь уже о щеку, издавая пощёлкивающие звуки, так похожие на кошачье мурлыканье.

– Ну, посмотрите на него. – Выпустив упругий хвост, Коля погладил дракончика. – Разве он может причинить кому-нибудь вред?

Молча поглазев на чудаковатую парочку, Айдесима всё же соизволила опустить шпагу.

– Держи эту тварь от меня подальше, не то зарублю, – прошипела угрожающе и пошла к выходу. На пороге обернулась, громко добавив: – Обоих!

Вздыхнув, Николай аккуратно снял зверька с плеча. Держа перед собой, сказал:

– Ну, и что прикажешь с тобою делать?

Тот безвольно свесил крылья, хвост и все лапки. Маленькие, заострённые уши прижал к затылку и внимательно, снизу-вверх смотрел на человека тёмными глазёнками. Жалобно, просяще. Вылитый кот-в-сапогах из «Шрэка».

– Откуда ты только взялся на мою голову, Барабашка чёртов, – снова вздохнул Коля. – Есть хочешь?

Дракончик ожил. Расправил крылья, забился, пытаясь вырваться.

Николай разжал пальцы. Змееподобное тельце тут же взмыло вверх, заложило крутой вираж и с грохотом рухнуло в обломки на полу. Могло показаться, что зверёк просто упал, но, как выяснилось, именно туда он и целил. Ловко раскидав хвостом битую посуду и остатки мебели, рептилия принялась что-то лакать. Подойдя ближе, Николай увидел разлитое молоко.

«Ну да, известное змеиное лакомство. А ещё яйца, мелкие грызуны... Надеюсь, твой рацион этим и ограничится».

Вроде бы, налопался. Снова взлетел, усевшись на облюбованное плечо.

На улице вдруг заголосили вразнобой. Сквозь общий гвалт долетели скупые команды Айдесимы. Похоже, там новая напасть. Николай поспешил к выходу. Вспомнив перед самой дверью о недавней угрозе, глянул на торчавшую над плечом драконью мордочку.

– Ты бы не высывался, Барабаш, не то нам с тобой несдобровать.

По-русски сказал, но дракон, кажется, понял. Он проворно заполз в откинутый капюшон и свернулся там калачиком. Умная змейка, однако.

Озадаченно хмыкнув, Коля толкнул дверь, выходя

во двор, где и встретил местных мужиков, которых привёл Нерест, хозяин этого дома. Он, оказывается, давно заприметив подъезжающих гостей, сразу кинулся к соседям за помощью, наученный горьким опытом.

– Я, когда выскочил, дверь на всякий случай чурбаком подпёр. В сарае обитал, пока тварюка ента в доме безобразничала, – закончил свою историю Нерест. – Спасибо вам, ваша светлость. Избавили от мытарств, дом очистили...

– Его благодари, – буркнула Айдесима, скупно кивнув на Колю и, не сказав больше ни слова, ушла к своим солдатам.

– Спасибо, господин, – с готовностью поклонился толстяк.

– А гость твой куда подевался? – игнорируя его расшаркивания, продолжил допрашивать Николай.

– Ускакал, рожа бесовская. Сел на коня свово да утёк, тварь неблагодарная. Крикнул тока на ходу что-то вроде: «Кто напраслину на другого возводит, сам же от неё и страдает».

– Куда ускакал?

– Известно куда, до Распутья подался, – махнул рукой на дальний край поля. – Где ж ещё нечисти обитать.

– Он с ружьём был?

– С каким?

– С тем, что у тебя пропало.

– Аааа... Нет. Ружжа при нём не видал.

– Тогда с чего ты решил, что ружьё украл он?

Мужичок развёл руками, растерянно моргая:

– Да как же... Акромья его и меня в доме никого и не было.

– Ой ли? Что, никто из соседей не поинтересовался твоим гостем и не пришёл поглазеть?

– Почему же, все приходили. Некоторые сидели с ним даже. Примочки-то надо ставить, а работу по хозяйству не брошишь. Вот и приходилось...

– Понятно. Кто сидел-то?

– Так эти... Вот зараза! Благост с бабой своей часто бывали. Он же у меня ружжо всё выпрашивал. То коня предложит взамен, то корову. Ему, видите ли, на охоту не с чем ходить. На своём-то замки совсем износились, не починить. А я, спрашивается, с чем охотиться буду? С вилами, что ль?

– Где он? – Коля повернулся к небольшой кучке мужиков, вооружённых чем попало, негромко переговаривавшихся в сторонке. – Покажи.

– Да ентот вон, что у телеги. Со своим старым ружжом стоит. Щас я ему...

– Не спеши. Что ты ему предъявишь? Только свои голые подозрения? Он скажет, что ничего не брал, на том и разойдётся.

– Как же быть?

– Сам поговорю. Жди здесь.

Николай быстро подошёл к лысоватому, плюгавого вида мужичку, опиравшемуся на старое допотопное ружьё.

– Неплохое оружие, – сказал, потрогав ржавый ствол. –

Продашь?

Мгновение подумав, тот выдал:

– За сколько возьмёшь?

– Пойдём, сговоримся.

Они зашли за сарай, подальше от чужих глаз и ушей.

Благост воровато огляделся и горячо заговорил:

– На, смотри. Не новое, конечно, кое-где барахлит, но вещь надёжная, ежели в порядок привести. Имей ввиду, дёшево не отдам. Опосля мне тоже ружьё искать. Где ж я его возьму так скоро?

– У тебя же есть одно. То, которое у Нереста взял.

– Ч-что? – быстрый, перепуганный взгляд лишь подтвердил Колины подозрения.

– Что слышал. Ружьё где? Или хочешь, чтобы Айдесима при всех обвинила тебя в краже?

– Н-нет, – замотал головой Благост.

– Тогда волоки сюда, и побыстрее. Скажу, что нашлось. Мало ли, может, его та бестия из дома выкинула. И останешься не замаранным.

По всему видать, что Благост колеблется.

– Ну? – надавил Николай.

– Почём я знаю, что не обманешь? – пробурчал мужик обиженно. – Да и нет у меня никакого ружья, акромья ентого.

Он схватился двумя руками за свой мушкет, пытаясь его забрать. Дракончик, до того спокойно дремавший в капюшоне, вдруг взвился. С быстротой молнии переполз по рукам

на Благоста, обвил его шею и зашипел прямо в лицо, показав острые зубы. Молодчина!

Мужик побелел, не в силах ни вскрикнуть, ни пошевелиться.

– Значит так, – угрожающе начал Николай. – Сейчас ты идёшь за ружьём Нереста и приносишь его мне. Иначе скормлю тебя этому змею. Всё понял?

– Д-д-да...

– Барабаш, отпусти его... пока.

Зверёк тем же путём вернулся на плечо и уселся там с видом победителя. Николай почесал ему за ухом, отчего у Благоста глаза полезли на лоб.

– Что стоишь? Беги! – прикрикнул Коля, и перепуганный мужик со всех ног бросился к своему дому, прямо по мягкой пашне.

Через пятнадцать минут Николай вручил Нересту его пропавшее ружьё со словами:

– Вот, держи. За домом валялось.

Толстяк понимающе улыбнулся и поблагодарил, бросив недобрый взгляд в сторону соседа. Дракончик в это время уже снова посапывал в капюшоне. Похоже, он вообще ужасно любит спать.

Выполз только под вечер. Похлебал молоко из крынки, что Нестор в дорогу дал, и опять на боковую. На этот раз не в капюшоне. Решил, видать, на солнышке погреться. Устроился рядом, на соломе, свернувшись калачиком. При-

шлось прикрыть его полой плаща, чтобы Айдесиме глаза не мозолил. Но та всё равно заметила. От неё разве что утаишь? Правда, за шпагу сразу не схватилась, и то хорошо. Придержала коня, холодно спросив:

– Хоть понимаешь, что это такое?

– Нечто, похожее на маленького дракона, – пожал плечами

Николай.

– Какая прозорливость, – усмехнулась одними губами. –

Надеюсь, хватило ума связать его появление с твоим вызывальщиком?

– Это с Левиаси-то? Да уж, его теперь трудно не узнать.

Вовремя я ему рожу пометил. Правда?

– Он вызывальщик.

– Знаю. Вы уже говорили.

– Он эту тварь вызвал.

– Откуда?

– Я думала, оттуда же, откуда взялся ты. Но, судя по твоим словам, это не так?

– Нет. Я таких зверей в глаза не видел. Только слышал.

Больше из сказок.

– Тогда и я не знаю, – задумчиво проговорила Айдесима и пришпорила коня.

Глава 8. Притяжение Распутья

Николаю и в голову не могло прийти, что увидит здесь, в мире без электричества и современных коммуникаций, самый настоящий мегаполис, раскинувшийся на многие километры. Пусть даже по каким-то причинам необитаемый.

Вид на большой заброшенный город открылся внезапно, когда миновали ничем не примечательный холм, похожий на десятки таких же выступающих из земли, хаотично разбросанных каменистых бугров. Еле заметная дорога, вильнув за крутой косогор, покрытый пробивающимися из трещин пучками молодой травы, тут же выровнялась. Побежала длинной, идеально прямой лентой, теряясь где-то далеко в низине. А там, на необозримом просторе, раскинулся огромный град.

Сплошь многоэтажные дома. Правильные, геометрически выверенные кварталы. Длинные свечи гигантских труб и небольшие огарки башен, очень похожих на водонапорные. Только вот полнейшее запустение кругом. Руины, руины...

Улицы и дворы утопают в буйно разросшейся зелени, занимающей на правах единовластной хозяйки всё свободное пространство. Из неё, будто из глубин зелёного моря, вздымаются обломки высоток, вонзаясь в небо неровными, изодранными краями полуразрушенных стен. Словно какой-то неведомый исполин прошёлся здесь, пробуя на зуб каждое

здание. Где крышу откусил, где сразу полдома, а где по самый фундамент не постеснялся отгрызть.

Низко над городом крутится непроницаемая завеса из плотно сомкнутых туч, закрывая его мрачной тенью. Там то и дело сверкают молнии, озаряя серые развалины вспышками мёртвого света. Мёртвого, потому что грома не слышно. Вообще ни звука, словно смотришь немое кино. И птицы не поют. Тишина гробовая.

А у самого горизонта полоска воды. Море? Там, как и здесь, насколько хватает глаз, уже безоблачно, и ярко светит солнце, хоть и клонящееся к закату.

– Это Распутье? – привстаёт в телеге Николай.

– Оно, – отрешённо бормочет Фил, чуть придерживая коня на спуске.

– Кто его построил?

– Никому не ведомо. Ещё при деде моего деда пустым было.

– Нам туда? – с надеждой спрашивает Коля, чувствуя, как учащённо бьётся сердце.

– Вот ещё, не хватало. Кто ж в здравом уме напрямиком в Распутье сунется? Туточки дорога есть в объезд.

– Безопасный путь?

– Ну да. Только ночью по ней лучше не ходить. Айдесима вон, и та не рискнёт.

– Почему?

Слуга долго буравит Николая сердитым взглядом, после

чего нехотя, но всё же пускается в пространные объяснения:

– Сам посуди. Ежели твари, на которых она охотится, постоянно рискуя своей головой, в аккурат выползают оттуда, особенно по ночам. Ежели с каждым годом в округе их становится всё больше. Представляешь, как ими Распутье кишит? Туда сунься, это уже не охота получится, а борьба за выживание.

Вытягивая шею, Николай всматривается вдаль, пытаясь уловить признаки жизни. Напрасный труд.

– Что-то не очень заметно, чтобы там кишело тварями. А какие они?

– Разные. Да вон, к примеру, одна. Под плащом у тебя лежит. Эта, правда, покладистая и уж больно мелкая. А так всякие попадаются. Чем только людей не изводят. Совсем житья от них нет.

– Чего тогда люди до сих пор здесь живут? Давно бы уехали.

– Куда? Кому они нужны, беглянцы-то? Туточки у них и дом, и земля имеются. А там, за Припятью, что? Ни кола, ни двора. Голые да босые. Разве только с голодухи помирать.

– М-да, невесёлая перспектива. Выходит, они предпочли на своей земле, как ты говоришь, стать кормом для этих самых чудовищ?

– Не все. Многие подались в обжитые земли. Раньше-то здесь и сёл поболее было, и людей. Но и осталось немало, кому деваться некуда. Да повымерло много. То твари налетят, то

хворь какая непонятная скосит, а то и сами колдовством себя изведут.

– Это как?

– Ну, Распутье оно по-всякому на человека влияет. Кого погубит, кого, не заметив, стороной обойдёт, а в ком способности разные проявит. Живёшь себе, к примеру, каким-нибудь работягой. Землю пашешь, горя не знаючи. А у тебя ни с того, ни с сего корова пала, конь пал, птица окочурилась, козы передохли. Что делать? Это ж невосполнимая утрата, надо понимать. Ты в слёзы. Причитаешь навзрыд, умоляя вернуть всё на круги своя. И тут глядь, скотина твоя, что давеча померла, поднялась. Опять живёхонька. Правда, ничего не жрёт после этого, акромья свежего мяса. А до тебя вдруг доходит, что мёртвых способен воскрешать. Представляешь, сколько дров наломать можно сдуру-то? Скотинку воскресшую, как-никак, надобно кормить. Не то твой конь, того и гляди, пойдёт и соседского козла слопает, ежели ни самого соседа.

– Жуть какая, – передёргивает плечами Николай.

– Не жутее дракона твоего, – ухмыляется Фил и со словами «всё в руках Святой троицы» сворачивает с дороги в широкий распадок вслед за скачущей впереди Айдесимой.

Дно распадка идеально ровное, больше похожее на хорошо наезженный тракт. Чем дальше вглубь, тем выше и круче склоны. Сходятся, постепенно сужая проезд. Кажется, ещё немного, и упрёшься в тупик.

– Там тоннель, – поясняет слуга, будто чувствуя напряжение Николая. – Сквозь гору проложен. За ним уже спокойнее будет. И на ночлег можно встать, и до Припяти недалече.

Горловина тоннеля возникает неожиданно. Сначала появляется гора, по мере приближения вытягиваясь вверх и пряча пологую вершину за выступающий пузатый склон. Потом становится видно вертикальную выработку, обложенную потемневшей от времени кирпичной кладкой. Посередине, в самом низу, чёрный зёв сравнительно небольшого входа. Похож на раскрытый рот, а белые камни полукруглой арки – на зубы. Входите, мол, гости дорогие. Мы вас живенько слопаем...

Снова приходится сдерживать коней, поскольку дорога идёт под уклон, причём сразу от входа. Он, судя по всему, наполовину засыпан. И всё равно великоват. Два танка смело пройдут, ещё и для пехоты место будет. Арка высоко над головой. При всём желании не дотянешься, хоть с коня, хоть с танковой башни. Долгий спуск в тёмный тоннель заставляет с ностальгией поглядывать назад. Вход с этой стороны уже светлый. Он всё меньше. Вот-вот совсем скроется за бугром нанесённой земли.

Всё. Исчез. Виден лишь неясный отблеск на полукруглом потолке.

– Волош, факелы! – доносится сразу отовсюду властный голос Айдесимы, скачущей где-то впереди.

А раньше нельзя было сказать? Копошись теперь в потём-

ках.

Так, один факел, второй... Взял их в левую руку. Правой зашарил по дну телеги в поисках огнива. Блин! Да где же эта чёртова коробка?

Лихорадочно разгребая сено, Коля не заметил, как его новый друг, до того дремавший под плащом, перебрался на плечо. Кашлянул над ухом. Ярко полыхнуло, обдав жаром щеку. Огненный сгусток пролетел в считанных сантиметрах от лица и, врезавшись в намотанную на факелы паклю, мгновенно её подпалил. Вздвогнув, Николай покосился на Барабаша. Змей спокойно сидел с невинной мордочкой, делая вид, что вовсе тут ни при чём. И вдруг рыгнул, выпустив клуб дыма.

– Ах ты... – начал, было, Коля, но в этот момент Фил потянулся за факелом, чтобы передать подъезжающей Айдесиме.

Пришлось отложить разборки с рептилией на потом. Тем более, появилась возможность осмотреться. Второй-то факел остался у Николая...

Слева и справа в отблесках пляшущего пламени проплывают кирпичные стены. Плавно закругляются кверху, где тонут в непроглядной тьме. Свод слишком высоко.

Пологий спуск остался позади. Телега выровнялась. Затахтела, подпрыгивая на каких-то ухабах. Того и гляди все внутренности растрясёт.

Посветив под колёса, Николай увидел бугры, частой гре-

бёнкой изрезавшие землю. Слишком одинаковые, чтобы принять их за естественные. Торчат поперёк дороги через равные промежутки. Сплошная стиральная доска. Похоже на шпалы. Вернее, на то место, где они когда-то лежали. Неужели здесь была железная дорога? Да ладно!

Далеко впереди забрезжил свет. Выход? Нет, померещилось. Такая же темень, как и везде.

Видно лишь фрагменты стен по бокам. Да и в тех чёрные провалы встречаются. Правильные, прямоугольные. Наверное, лазы или двери в технические помещения. Да мало ли что.

Ветерок, дувший до этого в спину, вдруг сменил направление. Пламя заплясало, метнулось обратно, пахнув дымом в лицо. Николай закашлялся, запоздало убирая факел в сторону.

Пока протирал слезящиеся глаза, телега, задрав передок, поползла вверх. На выход? Хорошо, если так.

– Живее! – разносится эхом голос Айдесимы.

И в самом деле, подъём довольно затяжной. Не поднажмёшь как следует, можно и застрять.

– Но! Пошла, родимая! – щёлкает поводьями Фил, заставляя уставшую лошадь прибавить ходу.

Перед ней маячит Айдесима с высоко поднятым над головой факелом. А дальше...

Словно рассвет занимается, озаряя сначала небо, чья роль досталась высокому кирпичному своду, землю под ним, а за-

тем являя миру само светило. Именно так из глубины тоннеля выглядит полукруглая арка, ослепляющая дневным сиянием привыкшие к темноте глаза. Чем ближе к ней, тем светлее вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.